

АЛЕКСАНДР СЕДАЛИЩЕВ

ХОЗЯЙКА ТАЁЖНОЙ РЕКИ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Седалищев

Хозяйка таёжной реки

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Седалищев А. Н.

Хозяйка таёжной реки / А. Н. Седалищев — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5326-7

Герои книги – люди с твердыми характерами, охотники и рыбаки, оленеводы и спасатели, правоохранители и преступники, преодолевая множество препятствий, побеждая стихию, сражаются за свою жизнь с холодом и голодом, с ледяной рекой и диким зверем, с суровой и прекрасной природой Якутии. При самых трагических обстоятельствах, казалось бы грозящих неминуемой гибелью, они находят путь к спасению, порою не без помощи духов таежных лесов и рек.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5326-7

© Седалищев А. Н., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Шуга	6
Беда одна не ходит	16
Сыромят	22
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Николаевич Седалищев

Хозяйка таёжной реки

© Седалищев А.Н., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», 2025

Шуга

Стоя на краю обрывистого берега и вдыхая полной грудью свежий воздух, Сергей чувствовал облегчение после тягостного дня похорон и поминок.

Величавая Лена, лежащая в своем русле и по берегам местами охваченная ледоставом, источала легкий парок, предвещая ночной мороз, а шуговые льдины только шорохом отзывались на прибой и течение. Серая до черноты вода, с белыми пятнами льдов, в отсвете заката отливала тяжелым багрянцем растопленного золота. Было тихо, и только запоздавший на зимнюю стоянку путейский катер пыхтел вверх по течению, торопясь к своим створам и бакенам. Дневное тепло вместе с последними лучами солнца ушло в небытие и из всех потаенных мест стали выползать сгустки сумерек, угрожая обволочь весь этот срединный мир темнью и холодом.

Сергей осматривал просторы и видел там только то, что мог видеть местный житель. Красоты этих мест, с рождения засеявшие в сердце и памяти, сегодня ни на что его не вдохновляли. Нужно было до наступления полной темноты перебраться на другой берег. Если в это время года для других переправа могла быть неодолимой преградой, то для жителей прибрежных деревень была порой повседневным и даже чуть ли не рутинным, но довольно хлопотным мероприятием. Пренебрежение опасностью оказаться в вечно холодных, даже летом, водах реки сидело, кажется, с момента осознания себя как человека у каждого рожденного на этих берегах, хотя жизнь некоторых из них обрывалась в пучинах её вод. Всякий пришлый, впервые столкнувшийся с подобным пренебрежением к реальной опасности, начинал отчаянно труситься и клясться, что с ними больше никогда в жизни не полезет на реку. Но проходило время, и после нескольких речных походов осмелившийся вновь рискнуть новичок свыкался и даже перенимал некоторые опасные привычки местных жителей.

Выискав глазами на берегу свою дюральку, покрашенную в белый цвет для маскировки в период весенней охоты, Сергей шагнул на тропинку. Не смерзшийся снег мягко и сочно поскрипывал под ногами. Дабы не упасть и не разбить купленные в киоске бутылки пива, распиханные по внутренним карманам куртки, Сергей спускался осторожно, выверяя каждый шаг.

Оставленная утром лодка даже не примерзла. Ещё раз подосадовав в душе из-за забытых дома весел, он взял в руки досточку, которым выгребся утром на этот берег, затем оглянулся – может, что другое найдется? Невдалеке лежала другая – немного длиннее и шире, которая могла и на воде быть подпоркой в случае чего. Обрадовавшись увиденному, Сергей отбросил в сторону старую доску и, примерив в руке новую находку, решил использовать эту.

Перед тем как оттолкнуться от берега, Сергей не спеша вытащил бутылку пива, раскупорил, по давно заведенной привычке отлил часть в воду реки, дабы угостить духов, и, прикурив сигарету, устроился на носу лодки. Пиво уже успело набрать тепло тела, но с прохладным воздухом казалось ещё вкуснее. Сигаретный дым, расстелившись по берегу и воде, медленно полз по течению, а слабое, еле ощутимое движение воздуха никакого дискомфорта не приносило. Наступившая после похорон умиротворенность, казавшаяся пришедшей надолго, стала улетучиваться, и уже стали приходить на ум свои проблемы и заботы. Заболевшая неведомо чем лошадь, ремонт автомашины, подготовка к зиме и другие деревенские хлопоты вновь зароились в голове Сергея. С сигаретой и початой бутылкой пива в руке думалось не спеша, размеренно, а проблемы казались вполне разрешимыми.

К своим тридцати с небольшим годам Сергей стал родителем трех дочерей, построил дом, обзавелся скотиной, но никак, по словам матери, за ум не брался. И время от времени ему от матери перепадали уроки жизни. Он никогда в жизни не спорил с ней, слушал её внимательно, согласно кивал, что-то даже обещал, но всё всегда делал по-своему. Благоверная во всем этом его только поддерживала, но и по-своему его наставляла после очередного загуль-

ного дня, которого в общем-то было не так много и при правильном понимании мужских отношений жена могла бы и промолчать. Доставшаяся ему работа водителем, пусть даже не очень хорошо оплачиваемая, но такая дефицитная в деревне, и зарплата жены вместе с государственной помощью многодетным, даже позволяли помаленьку откладывать деньги на покупку дорогостоящей вещи. Родная деревня располагалась в пойме реки и считалась вполне живой и бодрой, в отличие от многих стареющих поселений района. Так что жизнь Сергея шла своим чередом, катилась без особых перекосов, как, наверное, и жизнь его предков, издавна поселившихся в этих местах.

Осмотрев еще раз течение реки и определив наибольший просвет между льдинами, Сергей оттолкнулся от берега. Задний борт пустил немного вперед по течению для быстреего разворота, а сам вспрыгнул на нос лодки, немного подмочив правую ногу. Новые зимние ботинки плотно сидели на ноге, из-за чего вода не дошла до ступни, поэтому, не обратив на это обстоятельство никакого внимания, Сергей стал выправлять лодку. Устроившись на носу и свесив оттуда ноги, стал отгребать от берега. Хотя легкий «Крым» управлялся легко, Сергей после нескольких гребков понял, что зря поменял доску – широкая доска оказалась несколько неудобной, из-за чего рука быстро уставала. Возвращаться не хотелось, да и по-новому причаливать и отчаливать занимало время. Отмахнувшись от мелькнувшей мысли о возвращении, Сергей продолжил грести. Такая очень иногда помогающая «русская авось», намертво засевшая в крови исконного якута, вновь взяла верх.

Казалось, что посеревшая в сумерках вода загустела, отчего течение замедлилось, а если не грести и постоянно смотреть на плывущие рядом льдины, то и течения вроде никакого нет. И только шорох льдин о борт лодки и всплески воды от доски возвращали к реальности. Постепенно темнота стала окутывать берега. Если на реке еще можно было различить отдельные льдины, то берега уже казались сплошным темным занавесом.

Оставшийся позади поселок замигал огнями, а впереди была сплошная серость, даже темень. Держа ориентир по остающимся сзади поселковым огням, Сергей загребал между льдинами, понимая, что так и должно быть, точнее, так уже бывало ранее много раз, и ему было не привыкать, хотя сейчас не было ни мотора, ни весел. К тому же начал беспокоить холод. Алюминиевый корпус весь покрылся льдом, а отсутствие подложки под пятой точкой тепла не прибавляло.

Льды стали встречаться чаще, и размеры их стали больше. Лодку даже несколько раз цепляло льдинами и довольно долго протаскивало по течению. Холод стал поджимать, поэтому восседание на носу лодки стало совсем неудобным. Попытка стать на колени и таким образом грести успеха не принесла – доска оказалась короткой. Грести лежа на носу лодки на животе тоже не получилось, не было упора для тела, и его по обледеневшему носу лодки таскало из стороны в сторону. Вскоре, помучившись достаточно, Сергей перебрался в корпус лодки, но тут возникла другая проблема. После пары гребков нужно было быстро перебираться на другую сторону и там тоже успеть подгрести, при этом нужно было постоянно успевать быстро переключать в руке доску. Эти чрезмерные движения даже несколько согрели Сергея. Новые, недавно купленные шерстяные перчатки цеплялись за заусеницы на доске, что тоже создавало неудобство. Но тем не менее лодка потихоньку двигалась, и огни оставшегося позади поселка постепенно отдалялись.

Темнота стужалась, перестала быть видна даже плывущая невдалеке шуга, сливаясь с общей серой массой воды, и только удар лодки об лед подсказывал, что лодка движется. Огни поселка остались далеко позади. Иногда они вдруг оказывались сбоку или даже впереди и тогда Сергей, чертыхаясь, вновь выправлял нос лодки. Хотя, наверное, это слово не совсем подходит. Привыкший постоянно преодолевать разного рода проблемы, Сергей настолько свыкся с тем, что жизнь состоит только из трудностей, которые чаще создает сам человек, что небольшие сложности воспринимал как должное и даже необходимое составляющее жизненного уклада

простого деревенского мужика. Врожденная терпеливость северного жителя, помноженная на жизненный опыт, казалось, создала из Сергея саму невозмутимость, которую окружающие порой воспринимали как образ его жизни или даже толстокожесть, не вдаваясь в его внутреннее составляющее. Но близкие и знающие его люди всегда различали оттенки его настроений.

В один из моментов Сергей вдруг осознал, что огни совсем отделились, и если плыть поперек течению реки, то они не могли оказаться так далеко. Получается, что лодку утащило течением далеко вниз и он пристанет несколько дальше от намеченного места. Это совсем его даже не встревожило – до дома пешком, а лодку потом можно будет забрать. Переправа продолжилась прежним темпом. По чуть-чуть загребая, выискивая просветы и обходя льдины, пытался взглянуть в приближающийся берег. Была сплошная темень, осенняя, какой может быть темень только после летних белых ночей. Стало ощутимо холоднее. Выдыхаемый воздух стал оседать на воротнике куртки и шапке куржаком, но постояннодвигающийся Сергей не мерз.

А долгожданный берег надвинулся внезапно. Отвесный берег, размытый весенними льдами и водами, вдруг оцетинился нависшими кустами, обломанными деревьями и корнями, а также ледяным заберегом до десятка метров. Сергей попытался протаранить лед, но лодка не пробивала его. Подумав, что можно попробовать ступить на лед, ударил по ней доской, но лед оказался нетолстым, хотя и с трудом разбивался. Тогда Сергей стал выискивать какую-либо промоину в забереге, чтобы подойти поближе к берегу. Всё это время лодка сплавлялась вниз по течению.

Внезапно берег пропал и впереди вновь оказалась темень. Не понимая, что происходит, Сергей отложил доску и стал беспокойно всматриваться в темноту, выискивая пропавшие отвесы берега. Но, сколько ни смотрел, ничего, кроме темени, не увидел. Как же так? Может, его отнесло от берега? И только представив себе извилины реки ниже по течению, Сергей четко осознал, что его, оказывается, снесло течением совсем даже не близко, и этот пропавший берег был островом, а до коренного берега ещё плыть и плыть. За этим островом была широкая протока, в которую вливалась небольшая речка, поэтому она всегда осенью бывала зашугована раньше и гуще фарватера. А если он не пробьется через эту протоку, то плыть надо будет совсем далеко. Новое обстоятельство совсем даже не обрадовало Сергея.

Поняв и оценив ситуацию, Сергей вроде несколько успокоился. Подумаешь, далеко от дома придется причалить. Много раз приходилось пешком и подальше ходить. Как-нибудь разберется.

Захотелось выпить пива и покурить. Усевшись на дно лодки, так как сиденья уже были сняты на зиму, Сергей достал следующую бутылку и так же не спеша закурил. На этот раз раздумья были совсем другие. Мысленно представляя себе возможное место причаливания, строил маршрут пешего похода. Вся долина была изрезана старицами, с заросшими, непроходимыми берегами. Летние переезды через них вряд ли удастся отыскать. А может, лед на этих старицах уже выдерживает вес человека? Тогда задача упрощалась. Хотя опять же рискованно – вдруг лед не выдержит? Тогда, скорей всего, надо будет дожидаться утра и только потом принимать решение. Опять же все упирается в «может быть», «хотя», «скорей всего», в то время как в первую очередь надо было причалить. Из-за неопределенности ситуации Сергей стал нервничать.

Почему-то пиво не пилось, а сигарета курилась быстрее обычного. Внутри засело беспокойство, которое не давало спокойно выпить пиво и докурить сигарету. Чертыхнувшись, Сергей замахнулся, чтобы выбросить окурочек, но потом передумал и потушил подошвой о днище лодки. Негоже, ещё и находясь во власти реки, относиться к ней столь пренебрежительно.

Ориентиром на этот раз стали совсем уже далекие огни оставшегося позади поселка и еще более дальние огни другого поселения, маячившие ещё дальше впереди.

Холодное пиво и восседание на дне лодки внутреннего тепла не прибавили. Да и мороз стал поджимать не на шутку. Лодка двигалась, время от времени ударяясь об лед. Еле видимые в темноте льдины, а иногда внушительных размеров, приходилось обходить по кромке.

Сколько продолжалась эта борьба с течением и шугой, Сергей уже не представлял. Все время двигаясь внутри лодки от борта к борту, он был озабочен только тем, чтобы грести и при этом не выронить доску из рук. Спустя какое-то время Сергей почувствовал ослабление течения реки и меньшее количество шуги. Это указывало на приближение берега. Хотя какого берега – неизвестно. Но пусть будет даже остров. Надежней всё-таки, чем в полной темноте в лодке барахтаться посреди замерзающей реки.

Вскоре лодка уперлась в стоячий лед. Течение, хотя и было слабое, но потихоньку тащило лодку вдоль кромки. Обрадовавшись этому, Сергей решил пробиться на лодке сквозь лед, насколько это возможно, затем попробовать по льду добраться до берега. Промоин не было, поэтому пришлось разбивать ещё неокрепший лед. Продвинувшись совсем немного, лодка застряла, а доска грозилась сломаться при последующих ударах.

Мороз окреп и пронизывал тело даже сквозь куртку. Пар от дыхания стал гуще, а исходящий от воды небольшой ранее туман стал окутывать всё окружающее пространство. Так бывает всегда во время ледостава, когда приходит холодный воздух, а река ещё не замерзла и от неё исходит тепло.

Сергей попробовал ступить на лед. Лед прогнулся под тяжестью его веса, но не треснул. На то место, куда ступил Сергей, нахлынула вода из промоины со стороны лодки, отчего он сразу решил вернуться и подождать. При таком морозе лед должен схватиться быстро и скоро он сможет по ней добраться до берега.

Вновь расположившись на дне лодки на своей доске, Сергей, уже успокоившись, понимая, что теперь надо только ждать, что он неплохо умел делать, вытащил третью бутылку пива и закурил сигарету. Откупорив бутылку, как всегда, но уже более прочувственно, чем ранее, прося у духа реки помощи, отлил немного угощения за борт. При этом целился именно в воду, а не на лед. Если он в молодости к таким ритуалам старших относился с некоторой долей скептицизма, то со временем, особенно после многих случаев, сопряженных с опасностью, уверовал, что это очень даже нужные, порой обязательные, действия. Уважение к местности, уважение к духам, уважение к традициям предков и их обычаям, наверное, таким образом и прививались всегда.

Видимо, этот лед образовался уже до весны, значит, немного позже можно и лодку спасти. Как тут все окрепнет, надо будет приехать и выдолбить её. Сергей уже представлял себе, как это сделать – как отдолбить корпус и кого с техникой попросить, но народ не зря ведь придумал поговорку, который в переводе с якутского звучит «не вари суп излишне рано».

Время тянулось долго, ждать в неопределенности было тяжело, а вечера и ночи осенью темные и длинные. Представлялось, что проблемы этой переправы вроде как уже разрешились, и на ум стали приходиться уже посторонние мысли. Отмахнувшись от них, Сергей попробовал ещё раз ступить на лед. Лодка примерзла ко льду и стояла неподвижно, а лед уже не прогибался. Не спеша, вначале положив впереди себя доску, на которую можно было опираться, лег пластом. Если лед на таком расстоянии от берега держит, то ближе к берегу должна быть ещё крепче. Думая так, Сергей смело пополз по направлению от носа лодки, так как берег должен находиться в той стороне. Сквозь темень и туман ничего не проглядывалось. Время от времени останавливаясь, Сергей оглядывался назад и прислушивался к звукам. Лодка пропала из виду сразу, а звуки шуршащего льда были слышны хорошо. Стараясь не подниматься и не опираться локтями и коленями на лед и, вспоминая армейские учения, медленно ползком продвигался вперед. Ухватившись двумя руками за доску, вначале проталкивал её вперед, затем, опираясь на неё, подтягивал тело. Получалось неплохо. По подсчетам, он продвинулся метров на пятьдесят, а берега всё не было. Но ведь посреди реки не мог образоваться неподвижный лед,

поэтому сомнений быть не должно. Разве что направление, может, немного другое взял. Хотя он же перпендикулярно течению пополз. Поэтому ошибки быть не должно. Надо ползти вперед и вперед. Таким образом отгоняя вновь возникшие сомнения, Сергей продолжал двигаться.

В очередной раз подтянувшись, Сергей почувствовал под телом мягкость льда, который под его весом стал продавливаться, отчего, резко отталкиваясь назад, забылся и коленями уперся об лед и сразу почувствовал, что лед под ним ломается.

Страх и паника, ожог холодной водой, отсутствие опоры под ногами, бестолковое барахтанье посреди ледяного крошева – всё это вдруг и резко навалилось на Сергея. Стараясь как-то удержаться на плаву, стал хвататься за кромку льда, но она ломалась и крошилась. Но не зря Сергей с детства купался в ледяных водах этой реки. Умение держаться на воде взяло верх. Немного успокоившись и сориентировавшись, стал пытаться выбраться назад по направлению движения, где толщина льда его ранее удерживала. Кулаком ломая лед, добрался до места, где он стал толще и мог его удержать. Руками прошарил поверхность льда, чтобы за что-то зацепиться. Хотя лед был шероховат, но ни выемки, ни нароста, за которые можно было держаться и подтянуться, не обнаружил. Продвигаясь вдоль кромки льда, под пальцами левой руки почувствовал небольшое углубление, в которую можно было просунуть два пальца. Попытался его расширить, но замерзшие пальцы отзывались резкой болью. Собираясь продолжать поиски дальше, хотел переставить правую руку, но оказалось, что мокрая шерстяная перчатка примерзла ко льду. Попробовал оторвать, но она примерзла накрепко. Обрадовавшись этому, вновь сунул пальцы в выемку и, преодолевая боль, обеими руками стал подтягиваться. Потихоньку – мало-помалу стал выбираться наверх. Промокшая одежда тянула вниз и цеплялась за кромку, а примерзшая перчатка растянулась, но удерживала. Достаточно подтянувшись, стал искать левой рукой другую выемку. Оказалось, что имеется ледяной нарост, за который можно зацепиться руками. Вытащив правую руку из перчатки и перехватившись левой рукой, стал подтягиваться дальше. Когда достаточно подтянулся и поднял ноги над водой, лед по краю стал прогибаться. Тогда Сергей, насколько это было возможно, стал быстро отползать от промоины. Но даже уже в стороне от промоины, ранее удерживавший лед на этот раз из-за тяжести намокшей одежды тоже стал прогибаться, угрожая проломиться. На месте оставаться было нельзя. Как бы ни было жаль перчатку, пришлось ползти дальше без остановки.

Уже отползя несколько метров, Сергей осознал, что доска осталась в промоине. Резко остановившись от осознания надвинувшейся новой опасности, он откинулся на спину и закричал, точнее, взвыл от отчаяния. Ведь без доски никакой возможности спастись не было. Глубоко вздыхая холодный воздух, Сергей пытался сообразить, что дальше предпринять. Может, обойти промоину и вновь попытаться доползти до берега? Нет, слишком рискованно. Ведь еле выбрался на лед. В следующий раз так может и не повезти. Никакие другие варианты, кроме как возвращаться за доской и вновь нырять в холодную воду, в голову не приходили. Ведь с доской можно и на лед выбраться и держаться на ней, грести на лодке и лед ломать. Все это длилось несколько секунд, а лед за это время сильно прогнулся, но пока удерживал. Взвывая сквозь зубы от досады и отчаяния, Сергей, переворачиваясь со спины на живот, а затем вновь на спину, выкатился из образовавшейся ямки на льду и пополз обратно. Промоина встретила его густым туманным испарением. Доску не было видно. Но она никуда не могла деться и должна была быть только тут. Вдохнув побольше воздуха и подтянувшись за край льда, Сергей соскользнул в воду и сразу наткнулся на доску. Холодная вода не обожгла тело, как в первый раз, и даже показалась теплей, чем морозный воздух.

Ухватившись за доску, Сергей подгрел к тому же месту, где ранее вылезал на лед, и уже без особого труда стал карабкаться наверх. Оторвав примерзшую перчатку окунул её в воду и натянул на руку. Пусть мокрая, но ведь защита. Да и высохнет ведь когда-нибудь.

Ползти с доской оказалось легче. Лед не прогибался, и на доску можно было полноценно опираться ладонями и локтями. Но набежала, точнее, образовалась новая проблема. Мокрая

одежда, прилипнув к телу, сковывала движение, затем стала замерзать, что создало новые трудности – тело оказалось в ледяном панцире. Каждое движение давалось с максимальным приложением и так уже растроченных сил. К тому же сквозь темень и туман определить местонахождение лодки было невозможно. Но она была там, где было слышно течение и шуршащие звуки шуги. Прислушиваясь к этим звукам, Сергей полз к ним. В голове была единственная мысль – достичь лодки. Тогда хотя бы его найдут. Или найдут его тело и похоронят по-людски. А пучина реки его пугала. Он видел ранее утопленников. От них всегда веяло только страхом и смертью. А ему всегда казалось, что это его минует. Он ведь не такой! Он другой! Будет жить долго и умрет своей смертью у себя в постели.

Звуки приблизились вплотную, а видимость стала ещё хуже. Густой, насколько это возможно, туман заглывал все очертания вокруг. Были видны концы доски, а дальше темень.

Передвинув доску в очередной раз, услышал звук удара о корпус лодки. Оказалось, что он наткнулся на неё, что принесло некоторое облегчение. Попытался враз подняться, помня, что толщина льда позволяла стоять на ногах у лодки, но окоченевшая одежда повалила его ничком. Тогда, перевернувшись на спину, Сергей стал попеременно разгибать и сгибать тело и конечности. Одежда вначале его держала крепко, но постепенно на сгибах рук и ног появилась амплитуда движений. Встав на четвереньки, ухватился за край корпуса лодки и, с усилием подтягиваясь, перевалил тело вовнутрь.

Всё. Теперь уже никаких ползаний по льду. Надо дожидаться рассвета и только потом принимать решение. Но ведь надо согреться. Мокрая насквозь одежда, прилипнув к телу, забирала тепло быстро и только движение могло его спасти.

Сергей, лёжа на дне лодки, вновь стал двигать руками и ногами, потом подключил всё тело. Вначале с трудом, но потом уже достаточно интенсивно тело задвигалось. Встав на ноги, стал двигаться внутри лодки, но промерзшее тело никак не желало греться. Тогда Сергей с трудом вышел наружу, точнее, вывалился и затем встал на ноги и стал двигаться вокруг лодки. Если тело как-то более или менее согревалось, то пальцы рук и ног никак не согревались, и их даже некуда было спрятать в тепло. Сняв уже замёрзшие перчатки, попробовал расстегнуть куртку, чтобы засунуть руки за пазуху и согреть, но не получилось. Онемевшие пальцы совсем не слушались, а кончики даже не чувствовали прикосновения. С трудом, используя и зубы в том числе, натянул обратно перчатки и стал вращать и размахивать руками, чтобы увеличить кровоток. Но и это не помогало. Отчаяние наваливалось с новой силой. Ведь даже доску он не сможет удержать в руках, не то что отбить лодку от льда и поплыть дальше хотя бы по течению. Вернувшись в корпус лодки, попытался её расшевелить, двигаясь от борта к борту. Лодка была припаяна накрепко. Оставив все попытки согреться или сдвинуть лодку, Сергей уселся на дно. Сигареты в кармане, конечно же, намокли, ещё и заледенели, наверное. А достать последнюю бутылку и глотнуть пива тоже не получится. Крепко сжимая зубы и откидывая голову на борт лодки, Сергей от досады что-то промычал, но, не выдержав, раскрыл рот и закричал. Звук его голоса затух в тумане и темноте. Сколько ещё ждать до рассвета, какие ещё мучения предстоят впереди? Счет времени был потерян, а о предстоящем задумываться совсем не хотелось.

Просидев так какое-то время, вдруг перестал ощущать холод. Казалось, что воздух вокруг прогрелся, стало легче дышать, даже пальцы рук и ног перестали болеть. Наступило успокоение, какое обычно приходит очень редко. Перестали быть слышны шуршание льда и бульканье воды, глаза стали сами собой слипаться. Сергею казалось, что он дома и разговаривает о чем-то с детьми и женой, а тут ещё и мама пришла. Было тепло и светло. Вроде надо собираться на сенокос или на прополку картошки. Вышел на улицу и сел в машину. И тут появился пьяный сосед, который, матерно ругаясь, стал толкать и раскачивать машину. Да так сильно, что она стала качаться во все стороны, угрожая опрокинуться. Ухватившись за руль, Сергей стал кричать на соседа и сразу проснулся. Лодка стала почти боком, а он, оказывается, навалился на борт и что-то кричал. Непонятная сила ломала лед и раскачивала лодку. Вскоре

лодка оторвалась от береговой льдины и поплыла. Сергей, оглядываясь вокруг, различил большой лед, который и оторвал его лодку. Лодку теперь зажало этой льдиной и понесло по течению. Значит, не здесь суждено было ему прощаться с жизнью, значит, ещё поживет на этом свете. Такое размышление даже взбудило его, хотя впереди вновь была неизвестность.

Почувствовался небольшой ветерок, и в тумане стали появляться разрывы, значит, скоро рассвет. Ощущение холода усилилось. Исходящая откуда-то из утробы лихорадка сотрясала всё тело. Сил и возможности остановить это не было. Чтобы хоть как-то согреться, надо было двигаться. С трудом повернувшись, оперся рукой на борт лодки, но ничего не почувствовал. Только услышал, будто чем-то деревянным стукнули по лодке. Чтобы удостовериться, что услышал именно это, Сергей потихоньку левой рукой в перчатке постучал по борту лодки, но опять был слышен только деревянный стук, а по руке отдавались удары. Но пальцы ничего не чувствовали. Испугавшись, что мерзлые пальцы могут обломаться, как показывают в фильмах, Сергей перестал стучать и, прижимая руки к телу, попытался встать на ноги. Но теперь почувствовал, что ступни ног тоже не ощущали ничего. Перекачиваясь по лодке и опираясь телом на борт, с трудом смог приподняться и оглянуться по сторонам.

Оказывается, лодка проплывала совсем даже недалеко от левого берега. Потянуло запахом костра, и тут Сергей увидел, что на берегу горит костер и возле неё сидят двое. Один из сидящих размахивал рукой и что-то говорил, при этом что-то ещё и кушал, а на берегу стояла лодка с мотором.

– Э-э-эй, я ту-у-ут! Помогите!!! Э-э-эй!

Мужчина замер с распростертыми руками и стал прислушиваться, посмотрел по сторонам.

– Э-э-эй, я ту-у-ут, тут!!! – обрадовался Сергей и тоже стал размахивать заледенелыми руками, насколько это позволяла мерзлая одежда.

Второй мужчина что-то сказал, после чего первый вновь повернулся к костру и продолжил что-то говорить.

Лодка уже стала отдаляться от костра, тогда Сергей, опрокинувшись на спину внутри лодки, стал пинать ногами по борту, издавая громкие, но глухие звуки удара, и продолжил кричать.

Первый мужчина вновь остановился и встал на ноги. Вытягивая шею и вслушиваясь, начал вертеть головой, затем стал вглядываться в темень реки. Но что можно увидеть при свете костра в черноте ночи, к тому же, если лодка выкрашена в белый цвет? Сколько ни смотри, ничего не увидишь. Второй опять что-то стал говорить и протянул кружку. Махнув рукой и ставя точку во всем этом, первый взял кружку и уселся. Всего этого Сергей, конечно же, не видел, лежа на дне лодки. Прокричав до хрипоты, перестал стучать ногами и, цепляясь телом и локтями за борт, приподнялся. Костер уже был далеко позади, а двое мужчин так и остались сидеть на своих местах.

Как ни сдерживай себя и будь даже дьявольски терпелив, но, когда твой шанс на спасение медленно проплывает около тебя и ты ничего не можешь поделать, обида и слезы накрывают тебя без твоего согласия. Так жалко становится себя и всю свою прожитую, кажущуюся никчемной жизнь, что рыдаешь в голос и просишь всех богов и духов только об одном – о помощи. Но в конце концов успокоение приходит. Не сразу, но приходит. И тогда первыми тебе вспоминаются твои самые близкие – жена, дети, мама.

Утерев рукавом заледенелой куртки последние слезы, Сергей вновь уселся на дно лодки. Безучастный ко всему, стараясь унять дрожь, он думал о жене и детях. Сколько времени так просидел, неизвестно. Окружающая реальность вернула Сергея к действительности. Онемевшее от холода тело с трудом шевелилось. Руки и ноги совсем не ощущались, и даже губы с трудом двигались.

Предраассветные сумерки пришли вместе с усилившимся ветром, который стал сдувать туман, отчего казалось, что ветер сдувает и темень.

Впереди послышался неясный гул, будто работал большой и мощный двигатель. Вновь заставляя себя двигаться, Сергей стал приподниматься. За бортом ничего видно не было. Всё те же льды и совсем уже загустевшая свинцового цвета вода. Но никакого корабля не было. Звук был слышен впереди по курсу лодки. Чтобы не упустить возможный катер или корабль, Сергей не стал садиться и, тратя последние силы, стоя на коленях, вглядывался в редеющий туман.

Вскоре из общего гула стали выделяться отдельные звуки, и это были звуки не двигателя корабля. Это был грохот ломающегося льда и звуки бурления воды. Сергея с лодкой напрямик несло на остров. Точнее, на острие острова, ударяясь об который, течение разбивалось надвое и нагромождало льды друг на друга. Становилось очевидно, что лодку несет прямо в жерло водоворота.

Ещё одна опасность, с которой справиться самому невозможно и перед которой ты себя чувствуешь мельчайшей молекулой вселенной, неспособной противостоять ужасам и страхам, неуклонно надвигалась с грохотом и ревом взбешенной воды и вставших на дыбы льдин. Огромные льдины, попадая в этот водоворот, множество раз переворачивались и крошились в мелкие осколки, а уцелевшие нагромождались в несколько этажей друг на друга. Нависшие по краю острова льдины высились вверх уже на десяток метров.

Оцепенение и страх сковали Сергея, а глаза заворожено смотрели на всю эту бешеную круговерть. Ему представлялось, как лодка войдет в струю, вон на той волне её подкинет, затем перевернет, а его самого понесет подо льдами, чтобы спрятать навсегда в глубине, или раздавит другим настигшим льдом. Он себе всё это ясно представил и, чтобы хоть как-то себя обезопасить, чтобы хоть на долю секунды оттянуть этот страшный момент и хотя бы еще разок вдохнуть воздух и прожить этот последний миг жизни, упал лицом вниз на дно лодки.

Лежа внизу ощущал каждый толчок и каждое вздрагивание корпуса лодки. Вот удар небольшой, ещё удар, уже сильнее. Лодку скособочило, куда-то потащило в сторону. Вот-вот перевернет или накроет льдом. И вдруг – грохотание стало удаляться в правую сторону. Не понимая, что происходит, Сергей, как мог быстро приподнялся и увидел, что его лодку зацепил большой лед, отталкиваемый сильным течением, исходящим от водоворота, и потащил в сторону от опасного места. Не веря тому, что остался жив, и тому, что ещё одна смертельная опасность осталась позади, Сергей, хватая широко открытым ртом воздух, продолжал смотреть на бурлящий поток ледяной воды. Судьба ещё раз сжалилась над ним и дала шанс на спасение.

Когда опасность и уже сам остров остались позади, Сергей, немного успокоившись, вспомнил про холод и мороз, про своё всё ещё незавидное положение. Боль и дрожь вернулись, предстоящее вновь навалилось своей неизвестностью и страхами. Каким-то образом помочь себе он никак не мог. Мог только кричать. Да и то голос уже совсем ослаб. Ведь его даже ночью не услышали, а сейчас вероятность ещё меньше.

Сергей вновь свалился на дно лодки. Чтобы как-то ориентироваться в происходящем вокруг, старался прислушиваться. Кроме звука шуги, ничего не было слышно. Как ни старался противиться, но вскоре усталость и мороз взяли верх, и он уснул. Хотя вряд ли это можно назвать сном, но ему снились сны. Снова ему снился жаркий летний день. Теплый ветер тербил волосы и приносил разные запахи. Рядом работали какие-то люди и громко между собой о чём-то переговаривались. Потом подошли к нему и стали поднимать его на руки.

Скрип несмазанного троса и лебедки привел Сергея в чувство. Стараясь понять, что происходит вокруг, он пытался раскрыть глаза пошире и оглянуться, но ни то, ни другое ему не удалось сделать. Сквозь раскрытую щелочку глаз увидел борт какого-то корабля и услышал громкий разговор.

– Николаич, ниже, ниже опускай. Мы тут всё подготовили, сразу поднимешь.

– Понял. А сетку ровно под него подвели? А то начнет его вертеть внутри сетки. Пока-лечим ещё. Живой он хоть?

– Вроде живой. Глаза вон приоткрыл. Эй, парень, ты слышишь меня? Как зовут?

Сергею очень хотелось ответить. Губы разомкнул, но слова изо рта так и не вышли. Единственное, что он понял – его нашли. Но почему-то радости не испытал. Ему было совершенно без разницы. Хотелось только спать. Глаза всё время слипались, но его теребили и не давали спать, отчего он стал нервничать, пытался возмутиться, но опять же не мог ни шевелиться, ни говорить. Потом почувствовал, что его куда-то несут. Затем стали его выпрямлять. Пытались растянуть скрюченные руки и ноги.

– Эй, мужики, у него же всё мерзлое, так мы ему руки и ноги пообломаем. Надо одежду резать. Дай нож, Николаич.

Мужики, чертыхаясь и крутя Сергея на чем-то твердом, стали резать одежду. Мерзлая насквозь одежда поддавалась с трудом. Тем не менее вскорости Сергей почувствовал, что его раздели догола, а когда принялись за обувь, он, поняв, что сейчас изрежут совсем новые ботинки и, вспомнив возмущение раненого бойца из старого советского фильма, тоже попытался сказать, чтобы ботинки не трогали, но его шепот никто не расслышал. Только кто-то высказал:

– Во, уже в себя приходит. Будет жить, значит.

– Не спеши с выводами. Врачи скажут своё мнение, – отдернул молодого Николаич. – Лучше тащи моё пуховое одеяло. Слышал, что сразу в тепло нельзя мерзлого. Человека можем убить. И под голову что-нибудь.

– Может, в воду со льдом? Я такое тоже слышал.

– За борт, что ли, дурак! У нас никакой посуды-то нету, чтобы его вместить.

Сергей всю эту перепалку слышал, как сквозь вату. Голоса то отдалялись, то приближались, но вскоре совсем пропали. Ещё раз проснулся он, уже услышав другие голоса.

– Революй Степанович, ещё одного привезли. С реки. Говорят, в лодке нашли.

– Что с реки, знаю. Позвонили, рассказали. Какой он?

– Вроде в себя пришел. Глазами хлопает. Молчит. Руки по локоть и ступни.

– Вижу. Ну, давай по нашей методике. Шансы есть у парня. Даст бог, руки и ноги сохраним. Пригодятся они ему ещё.

– Так мы же всю повязку на предыдущего потратили.

– Неси из моего кабинета старую повязку. Ну, ту, которая на оленьем меху. Помнишь? Она там, в шкафу. Ему они впору будут. Там и для ног есть. Раньше же они спасали людей. Думаю, и сейчас не подведут. А ты, Аня, промедол ему вколи. В палате следите. Как только проснется, сразу следующий укол, а то, не дай бог, от боли всю повязку снимет и себя исцарапает. И таким образом сутки пусть поспит. А его самого укутайте, пусть тело изнутри само прогреется.

– Революй Степанович, опять стандарты нарушаете?

– Николай Иванович, мы же уже сколько раз на эту тему разговаривали! Человека ведь спасти надо. А эти ватки, примочки по стандарту ведут только к ампутации. И вы это прекрасно знаете. Лечу больного ведь я, значит, и вся ответственность на мне.

– Да знаю я всё, Революй Степанович. Просто обязанность и у меня есть. Обязанность про стандарты вам напомнить.

– Ну и ладно. Спасибо. Напомнили. Парень молодой, выкарабкается. Он и вам тоже спасибо скажет, Николай Иванович.

– Ладно уж. Тебя не переубедить. Это тоже знаю и помню.

Укол Сергей не почувствовал. Просто очень крепко уснул. На этот раз по-настоящему.

Через месяц после выписки, сидя за столом у себя дома, поймав на лету мелкую игрушку, оброненную младшей дочкой со стола, обрадовался и с удивлением повертел ладонью, ещё раз

всматриваясь в свою руку и вспоминая небольшую перебранку врачей. Вроде своя бывшая, а вроде как чужая, с искривленными пальцами, но вполне работоспособная.

Беда одна не ходит

Утро началось, как всегда, с растопки вечно дымящей железной печурки. Благо изба с просмоленными от дыма и табака стенами зимой хорошо удерживала тепло, а летом сохраняла прохладу.

Построена она была еще в советские годы для нужд совхоза. Срубил ее промышленявший здесь знаменитый охотник, имевший государственные награды, – Иван Герасимович Петров, в обиходе более известный как Саарба Уйбаан, а в переводе на русский – Иван Соболев. Крепкая изба размерами не впечатляла, но четыре-пять человек при желании могли свободно в ней разместиться. Окна ее, как во всех охотничьих избушках, регулярно ремонтировали целлофаном располагавшиеся тут охотники. Что же до избы Уйбаана, то целлофан ее окон так же регулярно каждую весну и лето разрывался медведем. Это стало традицией: зверь заходил в дверь, а выходил через окно. Что побуждало заматеревшего зверя к таким похождениям, никто не знал. Самое интересное было то, что медведь никогда ничего в избе не трогал, – просто заходил и выходил именно таким манером. Охотники объясняли эту привычку довольно просто: обход территории и нежелание старого зверя ссориться с соседями. Никаких пакостей медведь не устраивал, при встрече с охотниками обходил их стороной. Такое деликатное и, в общем-то, продиктованное желанием жить в мире обхождение люди ценили и сами тоже не устраивали на медведя охоту; если же собаки, нечаянно наткнувшись на него, начинали его облаивать, – сразу их отзывали. Понимали охотники, что на место старого медведя придет другой, более молодой, а вот уживутся ли они с ним – это было серьезным вопросом. Старый пес Туйгун, давно смирившийся с подобным отношением к зверю, перестал даже обращать на него внимание, а при встречах на узкой звериной тропке, нехотя и не теряя достоинства, отходил в сторону. Хозяин как-никак.

Печка наконец-то разгорелась. Чайник зашипел, а куски мяса на сковороде зашкворчали и начали испускать аппетитный аромат. Руслан, которого деревенский люд за высокий рост, прямую осанку и худобу называли Коноккой – от якутского слова «прямой», – не спеша готовил себе нехитрое угощение. В этот день он никуда не собирался, решил дать отдых коню, с которого не слазил уже две недели. Да и работа по хозяйству накопилась. В этой местности Коноккой охотился девятый год. Знал, как говорится, каждый кустик и где какой зверь стоит.

Осень выдалась теплая, до начала ноября морозов не было. Забой скотины начался только после октябрьских праздников, и на карася мунха (ловля неводом) состоялась тоже только после праздников. Управившись со всеми осенними домашними делами, Коноккой на своей лошаденке, погрузив на сани весь немудреный охотничий скарб, выехал на угодья только в середине ноября. В этом году Байанай – дух тайги и охоты – особых сюрпризов не преподнес, год был такой же, как предыдущие. Соболев в капкан шел нехотя. Расчет был только на собаку. В общем-то, охотники каждый раз так говорят: соболя нет, но при подведении итогов обычно цифра выходит неплохая. Ведь каждый охотник, однажды отхвативший фарт, всегда стремится к тому же или даже более высокому результату. Отсюда и всегдашнее недовольство тем, что имеют в настоящий момент. А насчет зверя Коноккой не торопился. Мясо «на поесть» было: оставили осенние охотники в лабазе, а для дома он добудет его перед отъездом, ближе к Новому году. Сохатый был на угодьях. У Коноккой имелись старенький, оставшийся от совхоза карабин СКС и совсем уже старый, шестидесятых или семидесятых годов прошлого века, ТОЗ-8. Оружие по наследству перешло новому хозяину – кооперативу – и уже давненько находилось в постоянном пользовании самого охотника. Патроны он покупал к оружию сам, хранил их у себя и брал с собой в лес, когда считал нужным. Выданные в райотделе милиции, или полиции, как прозывают ее ныне, разрешения находились всегда дома в сейфе; Коноккой брал их с собой только тогда, когда уезжал на угодья.

Хотя до самой избы можно было добраться на автомашине, Коноккой всегда ехал туда на лошади, точнее, на санях. Считал, что техника – штука капризная и в лесу для охоты не совсем подходящая. Дичь-то водилась не на дороге. Неторопливый и степенный Коноккой умело управлялся с лошадью, да и сама она слушалась хозяина легко и без особого принуждения. На кормежку Коноккой отпускал лошадь без пут, а по утрам подзывал стуком палки по ведру: овес решал много вопросов.

Первичный азарт уже прошел. Коноккой проехался по всем закоулкам местности и добыл достаточно соболя, чтобы домой зайти твердой поступью. Как говорится по-якутски – «проламывая ногами половицы». Туйгун в этом году тоже не подвел, хотя и в возрасте собачка. Коноккой уже подумывал о щенке. Ведь охотничьи собаки долго не живут, а опыт охотник должен успеть передать.

После завтрака Коноккой наколот дров целую поленицу, натаскал льда с озера и накидал снега на завалинку избы. За работой не заметил, как солнце перевалило за полдень. Лошадь по имени Ноохой уже достаточно времени околачивалась возле избы, желая получить свою долю овса. Конечно, хозяин не обошел друга вниманием. Довольно похрустывая зерном, Ноохой спокойно дал себя привязать к дереву. Сегодня лошадь все равно понадобится. Позже Коноккой собирался съездить в заброшенную избу неподалеку и осмотреть там печку.

Пройдя в избу, охотник подложил дров в печурку и поставил разогреваться чайник. В это время на улице залаял Туйгун. От неожиданности Коноккой, выпрямившись, ударился головой о притолоку, затем, почесывая ушиб, стал прислушиваться к происходящему на улице. Туйгун, не переставая лаять, побежал в сторону дороги. Вскоре с той стороны послышался шум мотора, затем заржал Ноохой. Поняв, что пожаловали незваные и нежданные гости, Коноккой вышел на улицу.

К дому подъезжал серого цвета джип. На таких часто приезжали в деревню охотники из города. Так называемые «охотники». К ним Коноккой относился терпеливо. Особого ущерба не приносили, бахвальства только много. С разными иностранными ружьями, одетые порой на все сто тысяч рублей, вечно пахнущие спиртным, большинство – с толстыми животами. Опасности они не представляли, да и как конкуренты были несостоятельны.

С интересом посматривая на авто, Коноккой прикурил сигарету. Кто бы мог пожаловать в такое неурочное время, ведь вроде сегодня вторник? Не суббота и не пятница. Да и раньше вроде бы он не встречал тех, кто сидел в кабине.

Задняя дверь распахнулась. Из джипа вышел среднего роста крепкий мужчина лет за сорок, без шапки, в свитере, с коротко подстриженными стоячими волосами – так называемой «площадкой». Увидев этого человека, Коноккой сразу напрягся. Это был охотинспектор Мастыров, известный всем охотникам района. Настроение у Коноккой сразу упало, солнечный день как-то быстро поблек. Встреча с такими людьми на угодьях охотнику обычно ничего хорошего не предвещает. Спокойно начавшийся выходной день привнес совершенно другие краски.

Мастыров по-хозяйски огляделся и, не обращая внимания на лаявшего Туйгуна, подошел к Коноккою. Обычного в таких ситуациях рукопожатия не последовало. Спокойным и уверенным голосом инспектор, глядя неотрывно в глаза охотнику, словно тот уже находился на допросе, спросил:

– Ну что, как охота? Много добыл?

– Все как подобает, – ответил Коноккой, отводя глаза от вперившегося в него самоуверенного взгляда инспектора.

– Что мелочишься? Год хороший. И мясо, и пушнину, наверное, добыл достаточно. Чаем угостишь?

Опомнившись, что не пригласил приезжих в избу, Коноккой засуетился и распахнул дверь. Все приезжие, а их оказалось четверо, пригнувшись, пролезли в дверь. Изба сразу переполнилась, стало тесно.

Чайник разогрелся. Охотник принялся разливать чай по кружкам. Кроме сахара, хлеба и масла, на столе ничего не было, а гости ничего с собой не принесли. Как ни странно, спиртного не было тоже. Да и объяснялось это, скорей всего, просто. Мастыров был на службе, поэтому негоже было ему распивать спиртное вместе с охотниками.

Сидя за чаем, разговорились. Коноккой понял, что инспектор тут только Мастыров, а остальные – вроде обычные городские охотники. Их технику инспекторы часто использовали, так как сами для работы были недостаточно обеспечены техникой и другими необходимыми составляющими.

Мастыров, оглядевшись по сторонам, увидел сковородку с остатками мяса:

– Ну что, Руслан. А говоришь, мяса нет.

– Это остатки с осени. Охотники оставили для меня, – отводя взгляд от вновь упершегося в него взгляда инспектора, ответил Коноккой.

– Что ж, тогда осмотримся, – произнес инспектор, легко вскочил на ноги и, не поблагодарив за чай, вышел на улицу.

Выйдя следом, Коноккой увидел, что инспектор залез на лестницу и осматривает вещи под крышей. Понимая, что тот ничего там не найдет, охотник спокойно закурил и, отведя взгляд в сторону, делал вид, что его мало волнуют действия представителя власти.

Мастыров, осмотрев все под крышей и под навесом, прошелся вокруг избы, затем подошел к охотнику:

– Ладно, вроде нормально у тебя все. Поедем дальше.

Попутчики Мастырова засуетились, побросали окурки и принялись рассаживаться в автомашине по местам. Инспектор, постояв рядом с охотником, наконец протянул ему руку, но при этом все равно продолжал недоверчиво глядеть ему в глаза.

Неспешно подойдя к автомашине, Мастыров взялся было за ручку и задумчиво остановился. Коноккой все это время с нетерпением ожидал отъезда непрошенных гостей. Нервное напряжение не спадало.

Вдруг инспектор повернулся и спросил:

– Слушай... Ты все с тем же карабином и мелкашкой?

– Да, – не понимая, к чему вопрос, ответил Коноккой.

– А ну, покажи мне их и документы подготовь, – резко потребовал он.

– Ты же раньше проверял все, – хотел возразить Коноккой.

– Давай не спорь. Порядок такой. – В голосе инспектора прозвучал металл.

Коноккой, поняв, что спорить бесполезно, полез в избу. Карабин с тозовкой висели на улице возле двери, а документы должны были быть вместе с вещами, в ящике под нарами. Вытащив ящик, Коноккой стал искать полиэтиленовый пакет, куда обычно заворачивал документы на оружие.

Документов не оказалось.

Выматерившись, Коноккой присел на нары и постарался вспомнить, куда он мог их положить. На ум ничего не приходило. Наконец поняв, что документы все-таки остались дома, Коноккой, с поджатыми от досады губами и надеясь, что инспектор, ранее проверявший оружие и документы к нему, ничего не предпримет, вышел на улицу. Мастыров уже закончил изучение номеров винтовок и повесил их обратно.

Увидев раздосадованное лицо охотника, инспектор с ехидцей спросил:

– Ну что, Руслан, нет документов?

Выслушав объяснение Руслана, инспектор протянул руку к оружию. Поняв, что произойдет дальше, Коноккой вытянул левую руку, как бы пытаясь воспрепятствовать действиям Мастырова.

– Не советую. – Инспекторский голос прозвучал, как рычание, взгляд исподлобья был непреклонным. Мгновенно убрав руку, Коноккой, глядя сверху вниз на инспектора, извиняющимся тоном промолвил:

– Ты же знаешь, у меня документы на них есть. Раньше ведь проверял. Как же я без оружия в лесу? Оставь их. Завтра сразу же поеду домой за документами.

Но инспектор был неумолим. Ничего не ответив, он ухватил оба ружья, развернулся и, направляясь к машине, как бы выплюнул:

– Ты знаешь, где меня найти.

Лишь только он сел, джип тронулся с места.

Ошарашенный столь быстрым развитием событий, раздосадованный на себя и понимая, что инспектор по закону прав, Коноккой стоял и смотрел вслед автомашине. Все внутри у него бурлило и негодовало. Выбросив недокуренный окурок и изрядно промерзнув, охотник наконец вернулся в избу. Сидя на скамейке, он соображал, как так получилось, что он остался теперь в тайге без оружия. Поразмыслив, он все-таки для себя уяснил, что Мастыров не прав. Нельзя оставлять человека без оружия в зимнем лесу за восемьдесят километров от ближайшего села. Нельзя! Тем более что он знает о наличии документов на оружие. Вся жизнь охотника в лесу зависит от исправного оружия. Как же так? Как мог инспектор, к тому же опытный лесовик, оставить человека в тайге без защиты? Коноккой вспомнил слова инспектора и его манеру общения. Не место в лесу таким людям! Нельзя к другим так относиться! Ежедневно рискуя жизнью, проживая по несколько месяцев в лесу в одиночку, оставаясь один на один с мерзлой тайгой, со всеми ее обитателями и не рассчитывая на помощь, он же не ради забавы охотится, а чтобы хоть какую-нибудь копейку принести домой. От возмущения Коноккой замычал и крепко сжал пальцами край скамейки, словно желая отслоить щепу. Затем вздохнул и, опустив голову на грудь, задумался. Был бы кто из начальников у него в родстве или в друзьях, все было бы по-другому. Без высокой защиты даже в лесу, оказывается, нельзя выжить. Э-эх! Выжить в лесу тяжело, а среди людей, оказывается, и того хуже.

В конце концов выработанная годами привычка искать выход из сложившейся ситуации взяла свое, и он стал соображать, что предпринять дальше. Конечно, надо будет завтра же идти в деревню. Это два дня пути. Но прежде надо бы вытащить из тайника в избе старенькую курковую одностволку 12-го калибра. Патроны должны быть, несколько штук, в ящике. Но рано прямо сейчас вытаскивать ружье: вдруг инспектор решит вернуться или же еще кто заедет.

Решив для себя вопрос завтрашнего дня, Коноккой немного успокоился и занялся сборами перед неожиданной дорогой.

Но беда одна не ходит.

На улице тем временем смеркалось. Побелевшее от мороза солнце уже зацепило верхушки дальних деревьев. В такое время, после светлого дня, кажущегося теплым от присутствия солнца, мороз начинает чувствоваться более остро. А темень, как всегда, сперва приближает к рукам густой лес, так что сумерки тут наступают быстрее. Вокруг избы стало ощутимо темнее, хотя небо было еще светлым. Воздух постепенно становился от мороза стеклянным, в таком воздухе звук слышен издали.

Коноккой уложил шкуры соболей в рюкзак, сложил в мешок несколько добытых глухарей и тушку зайца, который в последние годы вообще перестал попадаться охотникам, – не то что раньше. Многие охотники годами не могли добыть зайца и поэтому в шутку стали называть его самой драгоценной добычей.

И тут на улице снова залаяла собака. На этот раз Туйгун коротко взлаял и кинулся в сторону озерца. Не понимая, что происходит, Коноккой торопливо вышел на улицу и в тусклом свете уходящего дня увидел несущегося к избе со стороны озера огромного медведя.

Охотники – народ, готовый ко всем неожиданностям. Всегда для подобных случаев ружье держат наготове, а в местах, где слишком много такого рода опасностей, еще и загоняют патрон в патронник, чтобы не тратить время на передергивание затвора.

От неожиданности или же от испуга Коноккой напрочь забыл про визит инспектора. Рука автоматически шарила по стене в поисках карабина в то время, как глаза неотрывно смотрели на зверя. Прошло достаточно времени, прежде чем Коноккой опомнился и вспомнил, что карабина нет. Медведь уже проскочил расстояние от опушковых кустарников до того места, где привязан был Ноохой.

Ноохой отчаянно заржал. Приседая на задние ноги, он пытался порвать недоуздок, храпел и ржал одновременно, глаза от страха вылезли наружу. Коротко привязанный недоуздок не давал лошади возможности вырваться и убежать или даже хоть как-нибудь защититься.

Медведь, подбежав к лошади и не обращая внимания на лай Туйгуна и крики охотника, сразу набросился на добычу. Обхватил шею лошади передними лапами и стиснув зубы на подбородке жертвы, стал валить ее набок. Медведь был огромный и черный. Казалось, что ростом он выше лошади. Действовал молча. Ни рычания, ни других звуков для испуга жертвы он не издавал, только какой-то внутриутробный, на очень низкой тональности звук.

Коноккой, пораженный неожиданным нападением, растерялся и от испуга не соображая, что предпринять, хватался то за лопату, то за топор и все время кричал, не отрывая взгляда от медведя. Опомнившись и вспомнив про спрятанное ружье, он наконец кинулся в избу. Забежав туда, охотник сразу бросился под нары. Всегда казавшиеся низкими, на этот раз они не помешали поднырнуть под них. Половая доска, специально забитая маленькими гвоздями, не поддавалась, руки от волнения тряслись и никак не попадали в щель. В голове была только одна мысль: быстрее, быстрее собрать ружье. Наконец доска поддалась, рука просунулась в щель и нащупала сверток. Выдернув сверток, разодрав руки об дерево, Коноккой задом наперед выскочил из-под нары.

Одним ухом прислушиваясь к происходящему на улице, он начал с нетерпением разворачивать сверток и собирать ружье. Ствол никак не хотел становиться на место, затем цевье никак не желало пристегнуться. Наконец, закончив сборку, Коноккой кинулся к ящику с патронами. Патроны нашлись быстро. Всовывая патрон в патронник, охотник бросился к двери.

Увиденное его не остановило. Ноохой, точнее, то, что от него осталось, уже был растерзан, вокруг все было забрызгано кровью. Медведь зубами и когтями раздирал мясо, услышав стук двери, повернул окровавленную морду к охотнику. Туйгун все время носился вокруг медведя и туши лошади и лаял, но зверь даже ухом не вел на эти тщетные попытки остановить разбой. Коноккой, вперив взгляд в глаза зверя, пошел напролом. Почувствовав в руках оружие, пусть старенькое, но верное, охотник шел на медведя с твердой уверенностью отомстить. Испуга уже не было. В нем проснулся прежний Коноккой, сильный и уверенный в своих силах охотник, его единственным желанием было убить зверя. Почувствовав опасность, медведь рыкнул и резко, стоя на всех четырех лапах, повернулся в сторону человека. До медведя оставалось шесть-семь метров. Для сильного зверя это один бросок, доли секунды до жертвы.

Когда медведь вдруг встал на задние лапы и, угрожающе широко открывая пасть, прижав уши, начал рычать, Коноккой отчетливо увидел сломанные клыки, затупленные когти. Медведь-шатун, хоть и не старый, был худ, шерсть клочьями свисала со шкуры. Теперь даже огромный рост зверя и громоподобный рык уже не казались охотнику такими уж страшными. Туйгун, видя подоспевшую помощь, пуще прежнего стал лаять и хватать медведя за свисающие сзади клочья шерсти. Когда до медведя осталось два-три метра, до человека долетел гнилост-

ный запах, вечный попутчик этого хищника. Коноккой нажал на спусковой крючок. Раздались щелчок и шипение, затем ружье выплюнуло пыж, а дробь выкатилась из ствола.

Каждая осечка для охотника, прицелившегося и ожидающего звук выстрела и толчок в плечо, сродни тому, что его окатили холодной водой в жаркий день.

Для Коноккой весь мир сузился до размера пасти рычащего зверя. Шипение ружья и выплунутый пыж только раззадорили медведя, и он начал наступать, стоя на двух ногах. Судорожно разломив ружье, Коноккой принялся вытаскивать пустую гильзу и одновременно отходить назад.

И вот тут ко времени оказалась поддержка Туйгуна. Видать, он все-таки укусил медведя, и тот крутнулся вокруг себя, размахивая лапами, желая схватить собаку. Этой секунды хватило охотнику для того, чтобы всунуть в патронник другой патрон. Взведя курок, он вновь прицелился в медведя и, почти всунув ствол ему в пасть, нажал на спусковой крючок. В ожидании выстрела у него внутри все жалось, но выстрел прозвучал, мгновенно и хлестко, распоров воздух и изменив перевес сил.

Голову медведя откинуло назад выстрелом, и он сразу повалился на спину. Собака отскочила в сторону, а Коноккой, заломив ружье, всунул в него третий патрон. Не веря в благополучный исход дела, охотник ткнул стволом в ногу шатуна. Внезапно наступившие тишина и покой пока не приносили ему чувства облегчения.

Медведь не дергался. Осторожно обойдя зверя, Коноккой увидел, что заряд дроби нанес ему смертельную рану, пробив череп. И только тогда охотник опустил оружие и вздохнул с облегчением.

Три дня шел пешком Коноккой до своей деревни. Он до сих пор охотится в этих местах. Когда выпьет, всегда добрым словом вспоминает Туйгуна, спасшего ему жизнь, и замолкает, когда речь заходит о Мастырове да и вообще об охотинспекторах.

Сыромят

Петр Сыромятников, в простонародье просто Сыромят, в ожидании друзей никуда от дома не отходил. Последние приготовления перед выездом были сделаны, вещи упакованы и уложены в сани и переметы, капканы и ружья тоже подготовлены, очищены от смазки, а лошади для легкости хода со вчерашнего вечера стояли в загоне на привязи перед дальней и трудной дорогой. Пес Хабылык, увидев, что хозяин стал укладывать охотничье снаряжение в сани, повизгивая от нетерпения носился вокруг и обнюхивал каждую приготовленную для леса вещь, будто контролировал, что взяли с собой люди. Сыромят уже несколько раз перепроверил сани, груз, стяжки, пытался вспомнить, что забыл. Ведь всегда по приезду в лес оказывается, что какая-то нужная вещь забылась; также Сыромят знал, что чем дальше собираешься в дорогу, тем больше вещей забывается.

А звонка все не было. Должны были позвонить друзья-однополчане из города, с которыми договорился о совместной охоте, хотя охотником были только он сам и его односельчанин Данил, друзья же должны были приехать отдохнуть и провести отпуск с пользой. Он сам пытался им позвонить, но эта хваленая новая связь, которая достаётся из кармана и с помощью которой, как рекламировали, можно было позвонить в любой конец земного шара, с утра, как назло, капризничала. Позвонить кому-либо или куда-либо – обозначало наличие у звонящего не только телефона, но и железного терпения и настойчивости.

Сыромятом его, конечно же, прозвали еще в детстве. Так уж повелось, что вторые имена присваивают или лучшие друзья, или родители. Хотя с такой фамилией было полдеревни, но второе имя – Сыромят – прилипло лишь к нему; и с ним он уже давненько, еще в детстве, смирился. Порой даже казалось, что без этого второго имени его люди и не признают. Физически он был крепким с детства, занимался борьбой, как всякий уважающий себя в те времена якутский паренек. У тренера было выражение – сомни соперника. Может, имя пришло оттуда? Хотя вряд ли. Тем не менее сминать недругов своих по молодости он умел.

В деревне рано женятся или замуж выходят. Вот и у него тоже так же случилось. После службы в армии загулял со своей односельчанкой годом моложе, забеременела она – и получай брак вдогонку. Не зря говорят: «Стерпится – слюбится». Зато сейчас он не представлял себе жизнь без своей супруги. Уже и внуки пошли, а он все любит ее, вон даже друзья посмеиваются. Сыромят, по характеру спокойный и степенный, с возрастом на жизнь свою и людскую стал смотреть не торопясь. Эта деревенская степенность и уважительность к другим в городе у многих отсутствует напрочь и не приходит даже с возрастом, а в деревне к этому очень рано приходят.

Новый дом Сыромята с автономным отоплением, недавно построенный на месте старого отцовского жилища, где прошло детство и сам он вырос, получился очень теплым. Правда, печь топилась дровами, но двух затопок в день, даже в самые морозные дни, было достаточно. Вон у некоторых труба беспрерывно дымит, всю зиму только и делают, что кочегарят – небо отапливают. Поэтому, выезжая надолго в лес, Сыромят не беспокоился, что жена измучается с топкой печки, хотя она, как и всякая сельская женщина, умела и лед принести, и дрова, и разжечь печку, да и с другими мужскими делами по хозяйству неплохо управлялась.

А дети все выросли и разлетелись кто куда. Дочь в райцентре с мужем и двумя детьми живет. Преподает в начальной школе. Внуков часто в деревню к ним отправляет. Сыновья еще холостые и живут в свое удовольствие в городе. Оба образование получили и имеют работу. Сидят в теплом помещении и в ус не дуют. На все вопросы матери о женитьбе отмалчиваются. Как-то вот так жизнь и течет потихоньку у Сыромята. И он ее не торопит. Живет и работает, как ему хочется.

Когда Сыромят в очередной раз зашел в дом, в кармане зазвонил и запрыгал телефон.

– Привет, Сыромят, – сквозь обычные хрипы и попискивания в трубке раздался голос Терехи, Терентия Абрамова.

– Привет. Где вы?

– Коля подъехал только что. Выезжаем. Через три часа будем у тебя.

– А-а, значит, в лес завтра. Только Данил очень торопится. Пойду коней спущу с привязи, пусть покормятся, а вечером опять привяжу.

– Понял, Сыромят. Постараемся без задержек.

«Так-то, наверное, будет лучше, – подумал Петр, отключая трубу и откинувшись на диван. – Не надо торопиться. Данил подождет. Не впервой. Вещи пусть остаются в санях и переметах, там нет ничего, что мороза боится, а лошадей надо отвязать, пусть еще покормятся. Вечером снова надо будет привязать их, чтобы к утру были готовы к дальней дороге».

В загоне были привязаны три лошади, из которых только две, его собственные, были приучены к саням. На не очень крупной, но весьма выносливой пегой лошади по имени Холорук планировал ехать сам Сыромят, а третью он одолжил на время у родственника. На ней можно было ездить только верхом. Четвертая лошадь была у Данила и тоже могла ходить с санями. Завидев хозяина, Холорук заржал, вскидывая голову, как бы спрашивая что-то. Обе лошади Сыромята были упитанные, и даже на морозе без движения их шерсть заиндевели; лошадь родственника была уже старой и ходила только под седлом, зато была спокойна, как удав. Эту лошадь Сыромят планировал дать Терентию как самому беспокойному и неусидчивому, да и весом особо не вышедшему. Он ее взял под слово, что не заедит и вернет хозяину в целостности, хотя при этом и он, и родственник понимали, что такая договоренность с Сыромятом – излишняя. Вторая его лошадь была молодой и крепкой. Ее он планировал под Колю, располневшего в последнее время не в меру. При этом он, представляя своего друга, лезущего на лошадь или слезающего с нее, в душе посмеивался.

Мороз к обеду немного отпустил. Вообще, осень в этом году затянулась. До последнего стояли теплые дни, морозы за сорок пришли только к середине ноября. На свои уголья Петр обычно выезжал только по морозу. Не любил он начинать охоту рано, лишь только первый снег ляжет и озера покроются льдом. Зато шкурки соболей у него всегда были, как на подбор – зрелые, пушистые и с густым подшерстком. Да и дома по осени забот хватает. Вот и в этом году решил дожидаться морозов. С этим вначале категорически не соглашался его новый напарник Данил, полагавший, что они упустят время и соболев перекочет, но, не имея своих угодий, Данил был вынужден согласиться с Сыромятом. Когда он соглашался охотиться в этом сезоне вместе, он, конечно же, знал, что Сыромят каждый год выезжает на уголья позже всех, но тут было одно «но». Каждый из них не признавал технику, любили они охотиться на лошадях. Оба полагали, что снегоходы, которых ныне развелось множество, распугивают дичину, поэтому принципиально не покупали их и по старинке ходили или пешком, или на лошадях. В деревне таких «древних», как про них говорили, осталось только двое, вот и решили они в этом году охотиться совместно, хотя Данил возрастом был на десять лет младше Сыромята.

Друзья приехали после обеда и довольно долго и подробно объяснялись, из-за чего задержались, хотя все их объяснения, скорей всего, были нужны более им самим, нежели Сыромяту или Данилу. Ведь, по сути, деревенские всегда жили неспешно, никуда никогда не торопились. Это только в городе подсчет времени идет на минуты, а в деревне время считают от рассвета до полудня, а затем до заката, или считают от дойки до дойки, от полива до полива, а на сенокосе – от одного перерыва до другого.

Вечер прошел оживленно. Испробовав городских гостинцев, долго сидели и вспоминали былые времена, друзей. Порой хохотали до упаду, порой грустили по ныне уже ушедшим друзьям, планировали охоту. Когда Сыромят или Данил начинали рассказывать про уголья и свои приключения, сами возбуждаясь от своих рассказов, а может, немного и похваляясь, но, наверное, в большей степени желая подбодрить друзей и разбудить в них притупленные городской

жизнью охотничьи инстинкты, все замирали и чуть ли не в рот залезали рассказчику, разными способами выражая в самые ключевые моменты рассказов свои эмоции. А может, на самом деле Сыромят да Данил были хорошими рассказчиками? Этого после нескольких рюмок горячительного и не разберешь ведь. Данил, приглашенный в компанию для знакомства, освоился и, соблюдая деревенскую степенность, зажав свой характер в кулак, никакой нетерпимости по поводу опоздания не выказал. Терентий и Коля были выходцами из деревни, хотя жили и работали в городе, поэтому все деревенское им было не чуждо, однако определенные тонкости жизни в деревне все-таки у них поутратились.

Рассвет застал друзей уже в дороге. Застилавший деревню морозный туман остался позади и с каждой минутой стоявший сплошной темной стеной лес начинал обретать зримые очертания.

Вначале проявились отдельные деревца, затем прогалы и поляны, а после восхода солнца все вокруг засияло и засверкало. Снег и изморозь на ветвях деревьев, отражая свет белого северного солнца, засверкали ярким сиянием. Снег под копытами неподкованных лошадей и под полозьями саней отчаянно скрипел, лошади время от времени всхрапывали, выдувая из ноздрей замерзающий иней. Это были единственные звуки, слышимые в морозной тишине, все остальное словно вымерло. Вот попытался было, завидев обоз, каркнуть ворон, словно обращаясь к проезжающим, но и у него, видно, язык примерз к небу, так что вместо обычного карканья вырвалось что-то несуразное. Ворон сидел, взъерошившись и втянув голову в плечи, на вершине сухостоя, будто там ему было теплее, чем на живом дереве. Мороз давил по-серьезному.

Выехав на лед реки, друзья остановились. Коля как самый старший по возрасту, хотя разница в возрасте друзей исчислялась днями, очистив лед реки от снега, по якутскому обычаю повернулся лицом к солнцу, разложил заранее заготовленные женой дома оладьи в круг по ходу солнца, а в центр положил кусок сливочного масла. Он попросил у духов хорошей дороги. Прочие опрокинули по чарке горячительного и продолжили путь.

Сыромят, сидя на санях и покачиваясь в такт движению, вспомнив, как они все вместе утром усаживали Колю на лошадь, крикнул:

– Коля, как тебе? Лучше, чем в кресле тойона?

– Ну-ну, пользуйся моментом, поиздевайся. И мое время придет. Приедешь ты в город.

– Сыромят, Коля у себя в кабинете два кресла развалил. Смотри, и седло развалит! – заржав, что лошадь, во весь голос прокричал Тереха. – Уже есть, что вспоминать. Называется – погрузка или водружение Николая Николаевича в седло. Ха-ха-ха! Ох и посмеемся же мы потом, животы надорвем.

– Ничо-о, Коля приоровится. Главное для него на эти две недели, чтобы пень недалеко был. Чтоб потолще да потверже. Ха-ха-ха!

Общение с друзьями было радостным и обещало быть таким же в течение всех дней в лесу. Путь до избы был неблизкий и занял весь день и вечер.

Промерзшая изба встретила хозяина и гостей радостным скрипом дверных петель и густым, зависающим в воздухе паром от выдыхаемого воздуха.

Как всегда, первые дни были заняты обустройством и подготовкой к промыслу. Если дрова и лед были успешно заготовлены в первый же день, то подготовка приманки заняла некоторое время. Изба Сыромята была, как и он сам, сложена крепко. Сооружена из толстых сосен, со стругаными досками и так называемыми евроокнами. В хозяйстве имелась маленькая банька и каркасный, обтянутый материалом от рекламного щита гараж или сарайчик с небольшой печуркой. Сама изба была светлая с деревянными нарами вдоль стен и большим столом в центре под окном и, как выяснилось, хорошо держала тепло, что было весьма даже немаловажно. В общем, друзьям и Данилу хозяйство Сыромята очень понравилось.

За эти дни Коля несколько раз пытался приноровиться самостоятельно залезать на своего «скакуна», как он называл лошадь, но бесполезно. То, задрвав ногу, не мог перекинуть ее через лошадиный круп, из-за чего валился назад; то, излишне сильно закинув на седло тело, переваливался через лошадь и зарывался с головой в снег. Поэтому в конце концов решили, что сподручнее будет научить Николая запрягать лошадь в сани и пусть себе катается в свое удовольствие. Что и было сделано. Коля научился быстро запрягать и распрягать лошадь. Посмеиваясь, друзья это проделали несколько раз «на время», вспоминая солдатскую утреннюю побудку, с чем Коля с удовольствием соглашался.

Первые дни вылазки сразу стали удачными. Разбившись на две группы – Сыромят с Колей, а Данил с Терехой – стали устраивать соревнования. И соболя и боровой дичи было достаточно, да и собака работала хорошо, затем и капканы начали работать. А морозы с каждым днем все крепчали.

По прошествии десяти дней активной ходовой охоты Сыромят, подсчитав добытое, остался очень доволен. Год как никогда удачный и качество шкурок отличное. В основном был соболь темного окраса и с сединой. Светлые шкурки попадались единично. Видать, откуда-то перекочевал соболь в этом году, раньше было по-другому. Городские понемногу освоились и порой сами, без сопровождения местных, совершали недалекие вылазки. Колю больше интересовали глухари и тетерева, так как на снях в лес он заехать не мог. Ездил вдоль речек, по краю леса, по местам скопления кустарников. А Тереха, как всегда горячий и неусидчивый, все выспрашивал о наличии сохатого. Порой, увидев следы, призывал тропить, но Сыромят с Данилом рассчитывали добыть мясо ближе к отъезду. Пока что мяса, взятого из дома, хватало.

По прошествии двух с небольшим недель организовали день отдыха для лошадей. Все-таки месить снег со всадником на себе – тяжело для любой лошади.

Утро следующего после отдыха дня началось как обычно. Сыромят поднялся первым задолго до рассвета, растопил печь, поставил греться остатки вчерашнего ужина и пошел глянуть лошадей. После стали просыпаться остальные.

– Ну, Данил, что тебе приснилось? – как всегда, поднимаясь с постели враскачку из-за своего непомерного живота, пробасил Коля. – Надеюсь, на этот раз что-то хорошее, нужное всем нам?

– О-о-о, что только ни снилось. Вам, старикам, только завидовать, – похохатывая, ответил Данил. – И блондинки, и брюнетки, и шатенки. Ух, как приятно было!

– А мне почему-то приснился мой дед. Давно он умер. Какие-то наставления мне читал. Запомнил скрюченный больной палец, которым зачем-то он мне грозил и предупреждал о чем-то. В общем, невеселый сон, – Тереха, сидя на нарах, еще не спустив ноги на холодный пол, уныло развел руками и оглядел остальных.

– Не бери в голову, покойные родственники снятся только к хорошему. – Коля, прошлепав к рукомойнику, оглянулся на Тереху. – Сегодня должен быть хороший день. Вроде потеплело.

Вскоре вернулся Сыромят и, отряхнув снег с валенок, прошел к столу:

– Ну что, друзья мои, какие планы? Сегодня солнечно будет. Светает уже. Я думаю, что нам уже можно готовиться к возвращению. Думаю, через недельку можно домой оглобли заворачивать. Как?

– Я человек маленький, сколько отпуска дали, столько и отдохну. Есть еще время. Вон у тойона спроси. Его в любой день могут отозвать. – Тереха кивнул в толстую спину своего друга. – Но ведь тогда можно и на сохатого уже поохотиться?

– Я позавчера видел свежие следы на ручье Муостаах. По всей видимости, недавно туда пришел. Большой зверь однако. Бык, кажется. Можно его попробовать взять, туда и сани без проблем доберутся, – вскинулся Данил, посмотрев на Сыромята. – Да и сон у меня был хоро-

ший. Не то что у этих стариков. – «Язвинки» в глазах Данила так и сверкали, он будто бы продолжал недавнюю свою шутку.

– А мне отец приснился. Все время спиной ко мне поворачивался. Да ладно!.. Это сон и только, – как бы отгоняя мысли, махнул рукой Сыромят, не настроенный шутить.

– Вот сколько ездю по разным охотничьим местам, люди каждое утро у самого молодого спрашивают про сон. Почему так? И почему все полагаются на сон? – вновь подхватил тему сна Коля. – Я для себя это объясняю просто. Все потому, что таежник абсолютно зависим от сил природы. Снег, холод, дождь, жара и всякое такое. Малейшая ошибка, небольшой просчет, даже зубная боль, в конце концов, могут стать решающим фактором. Опасность у охотников всегда рядом и может подстеречь в любое время.

– Так и есть. Эта зависимость от сил природы была и будет. Природу никогда не осилить. Но ведь есть еще люди, сны которых часто сбываются. Особенно на охоте. Про меня говорят, что у меня сон в руку, только растолковать надо умеючи. – Сыромят как человек малоразговорчивый от такой своей тирады даже разволновался. – Мне часто перед крупной добычей вещий сон снится. А сегодняшний сон мне непонятен. Обычно отец снится к хорошему, а сегодня ничего не понятно.

– Про таких, как ты, и говорят: «человек с Байанаем». Дух охоты Байанай покровительствует таким. В деревне про Сыромята у нас все говорят, что удачливый он, – вставил в общую тему Данил, оглядывая друзей.

– Но сегодняшний сон мне непонятен. Отец все время спиной ко мне был. Удачи не будет.

– Успокойтесь, мужики. Одно то, что мы здесь вместе, уже удача. А даст Байанай нам добычу или не даст, это уже второстепенно. Веселее, мужики! – Коля, обтираясь полотенцем и оглядывая всех, улыбнулся, развел руками. – А давайте, мужики, за вещий сон Данила тяпнем по маленькой. Всё веселее будет. На улице вон солнышко встает. И душа засветится! А то все какие-то хмурые, задумчивые. Вон даже Тереха, как проснулся, унылый какой-то. Да и давненько не потребляли, а ведь скоро домой. Боюсь, обратно увезем.

За завтраком договорились, что Сыромят с Данилом пойдут к ручью Муостаах, изучат следы сохатого, чтобы завтра всем вместе попробовать взять зверя, а Тереха с Колей поедут по речке на места кормежки глухарей.

Солнце уже зацепилось за верхушки деревьев, когда Сыромят с Данилом вернулись в избу. Как пришедшие первыми они сразу затопили печку, поставили чайник и кастрюлю с мясом.

Уже и чайник вскипел, и суп приготовился, а Коли с Терехой все не было. Между делом Сыромят, оказываясь на улице, чутко прислушивался – хотя какие там звуки! Разве что дерево от мороза изредка треснет, да прошуршит звук собственного стынувшего на морозе дыхания.

Когда совсем стемнело и между кронами деревьев заблестели звезды, беспокойство Сыромята вырвалось наружу:

– Данил, что-то мужики задерживаются.

– Что с ними станет-то? Оба на лошадях, а Коля так вообще на санях. Может, добыли кого и разделяют, а может, далеко заехали просто.

– Так-то оно так, но беспокойство с утра все гложет и никак не проходит. Ладно, что поделать, будем ждать.

Уже и поужинали, и чай попили. Сыромят стал чаще выходить на улицу и прислушиваться к стылому лесу, но мужиков не было. Уже и Данил стал выходить вместе с Сыромятом и слушать тишину, да только, кроме недавно отпущенных на выпас кормящихся лошадей недалеко, ничего слышно не было. Беспокойство все больше и больше охватывало Сыромята да еще и Данилу передалось. Совсем не сиделось и не лежалось.

– Сыромят, все равно придется ждать до утра. Сейчас, если ехать, будет впустую. Рядом проедешь и их не увидишь.

– Лошади же есть. Друг друга чувят издалека. Все равно сигнал дадут. Заржут. А может, и Хабылык что учует. В общем, я еду, а ты оставайся, смотри за печкой. Все равно усталые и голодные приедут. Решив действовать таким образом, Сыромят засобирался в дорогу. Когда оделся и решил идти за лошадью, вдруг залаяла собака. Оба разом выскочили на улицу. Хабылык, увидев их, сразу замер, он стоял и смотрел в направлении дороги. Тут и Холорук подал сигнал на поляне, всхрапнув. Затем все слышали вдалеке скрип полозьев и звук копыт.

Кто не ждал друзей, напарников или других близких в морозную ночь посреди глухой тайги, тот не поймет, какое облегчение испытали Сыромят и Данил. Приближающийся скрип полозьев и стук копыт вливались в уши друзей, как бальзам. Казалось, тяжелый груз упал с плеч. Оба дожидались друзей, стоя на морозе. Однако к избе подъехал один только Коля в санях. Терехи не было.

– Что так долго и где Тереха? – вопрос Сыромята завис в воздухе, пока Коля, раскачиваясь, с трудом поднимался с саней.

– Не знаю, – наконец выговорил Николай. – Ушел еще днем, договорились встретиться там, где расстались. Он не пришел. Поэтому я и задержался. Ждал его долго.

– Где вы расстались?

– На втором ручье отсюда. Увидели свежие следы сохатого, он и рванул по ним. Это было еще до обеда. Я пошарился по ручью, затем прошарил другой, соседний, ручей. Вернулся на место под закат и прождал его допоздна.

Ушедшая было тревога, навалилась опять. Сыромят прекрасно понимал, что и одну ночь продержаться на таком морозе в одиночку, да еще и неподготовленному городскому жителю, вряд ли возможно.

– Бли-ин! Вот откуда у меня с утра беспокойство! Еще и сон. – От волнения у Сыромята кровь застучала в висках.

– Елки-палки. Но он же на лошади! Может, лошадь найдет обратную дорогу? – Данил, спрашивая всех и никого, оглядывал друзей. – Ведь много раз так бывало. Лошадь часто вырывает.

– Может. Конечно, может, но лошадь в такой темноте в лесу встанет и не двинется. А у него хоть спички и что перекусить есть?

– Насчет спичек не знаю, а все продукты были у меня.

– У него даже топора нет. Может, хоть нож не забыл. Сколько талдычил – не лезьте самостоятельно в лес! Тут места такие, что мне и самому заблудиться запросто. О-о-о, елки зеленые, что ж делать-то? Наверное, придется до утра ждать и только потом двинуться на поиски.

Остаток вечера и ночь прошли в полной тишине. Изредка перекидываясь словами, спланировали завтрашний день. Надеясь в душе, что Тереха вот-вот вернется, не могли заснуть. Все чувства обострились. Данил время от времени выходил на улицу послушать и надолго там застревал, а Сыромят так и не смог уснуть этой ночью.

На рассвете Сыромят с Данилом уже были на ручье, там, откуда свернул в лес Тереха, а Коля с собакой остался в избушке. Каждый надеялся, что поиски надолго не затянутся. Ведь Тереха будет возвращаться по своим следам, а значит, попадется им навстречу и в скором времени все вернутся домой, точнее, в избушку.

День начинался солнечный и безветренный. Было морозно. Снег был глубокий, выше колен, и уже вскоре лошади покрылись морозным инеем. Выдыхаемый ими воздух оставался зависать позади белесым туманом.

След Терехи петлял. Охотник шел за сохатым, который, как и всякий зверь, обходил каждую чащу, каждую поперечную помеху аккуратно, чтобы не издать лишнего шума. Сыромят местами шел за Терехой след в след, а местами, зная складки местности, срезал расстояния и двигался по целинному снегу. Сохатый пересек несколько ручьев, но нигде не остановился.

Даже не кормился, хотя было видно, что погони не чуял – зверь шел спокойно, шаги его были ровными.

Мужики все больше молчали, лишь изредка перекидывались словами, когда что-либо замечали. Каждый из них в душе боялся наткнуться на бездыханное тело своего друга. Что, в общем-то, могло произойти в любой момент. Сыромят, представляя себе замерзшего Тереху, каждый раз видел его то сидящим под деревом, то упавшим навзничь, то раскидавшим свои теплые вещи и лежащим раздетым, каким он однажды увидел своего односельчанина, замерзшего по пьяному делу посреди деревни. И с каждым разом тревога все более нарастала, из-за чего он старался подстегивать своего коня, ускоряя темп. Холорук, вроде как понимая серьезность ситуации, и без того старался изо всех сил и отчаянно месил снег. Порой из-за этого лошадь Данила отставала; тогда Сыромят останавливался, поджидая попутчика.

К обеду добрались до места, где Тереха слезал с лошади и, потоптавшись на месте, свернул с лосиного следа. Было видно, что он вначале вернулся по своему следу, но затем свернул в сторону.

– Видать, Тереха понял, что ему не догнать сохатого. След ведь ночной. Поэтому свернул со следа. Но он пошел не в сторону дома, а в противоположную сторону, – прочтя следы друга на снегу, высказал свою мысль Данил, очищая куржак с лица, шапки и морды коня.

– Да, видать, так и есть. Нет бы по своему следу вернуться. Поэтому и блуканул. Нам придется идти за ним след в след. Скоро начнутся места, где я никогда не бывал. Тут водораздел, берет начало очень много ручьев. Чуть в сторону свернул – попадаешь на ручей, который уведет тебя в совершенно другом направлении.

Давай дадим лошадям небольшой отдых, да и самим надо подкрепиться. Не замерз?

– Пока нет. Нogu только холодит от стремени да руки замерзли.

А перекусить надо. Да и чай в бутылке остыл уже.

– Слушай, мы далеко от дома ушли. Если до темноты не догоним Тереху, придется заночевать в лесу, а утром продолжать поиски.

– Не хотелось бы. А может, стрельнуть в воздух, тогда Тереха услышит и пойдет навстречу?

– Пока не стоит. Вряд ли услышит. Разрыв больше десяти километров, скорее всего. Даже если услышит, звук дойдет до него эхом. Тогда точное направление звука выстрела будет другим и он еще больше запутается. Позже стрельнем, когда ближе подойдем.

По-быстрому перекусив, вновь тронулись в путь. След Терехи начал петлять то вправо, то влево, а порой вовсе разворачивался назад. В одном месте было натоптано больше всего.

– Слушай, он, кажется, здесь ночевал. Уж слишком много натоптано. Но кострища нет, значит, и спичек у него нет.

– Да. Эти петляния влево и вправо, видать, уже в темноте были. Но он же понял, что заблудился, так почему бы утром по своему следу не вернуться?.. Видать, совсем растерялся уже. Ладно, нам спешить надо. Мы от него примерно на полдня отстаем, а может, чуть меньше, но скоро сумерки и если не догоним, тогда и нам в лесу ночевать. А Тереха выдержит ли вторую ночь в лесу? Холодно очень, – не слезая с лошади, высказался Сыромят.

Распадок за распадом, ручей за ручьем, след Терехи теперь шел прямо, никуда не сворачивая от взятого направления – совершенно противоположного направлению на избу. Вскоре по следам стало видно, что лошадь Терехи начала спотыкаться.

– Сыромят, лошадь у Терехи-то подустала.

– Что делать, старая лошадь. Как бы не пала еще.

– Да и моя что-то нехорошо потеет и отстает от твоей. Ты держись, Данил. Если что с нами случится, всем нам крышка. Из леса никто не вернется. Даже Коля. Слушай, ты щеки обморозил.

– Да, понимаю. Это точно, что никто не выберется. Надеюсь, обойдется все. А щеки каждый год у меня обмораживаются и уши. Чуть мороз, так сразу морожу, еще в детстве как обморозился, так и каждый год. Не обращай внимания.

Засевшая в голове со вчерашнего дня тревога никак не хотела уходить. Она даже увеличилась, стала заслонять остальные мысли. Если совсем недавно Сыромят беспокоился только за Тереху, то теперь – уже за всех. Предстоящая надвигающаяся ночь, которую они, несомненно, проведут под открытым небом, даже если достигнут Тереху, а также неминуемо и весь следующий день на холоде без сна, еды и горячего чая, с уставшими лошадьми – все это не сулило ничего хорошего. И Коля, хотя и остался в теплой избе – сможет ли в случае чего самостоятельно добраться до деревни? Вопрос был тяжелый. Стараясь отогнать эти мысли, Сыромят стал чаще подстегивать лошадь, которая и так, вся покрытая инеем, при ходьбе на каждом шагу все сильнее качала головой вверх-вниз, выказывая верный признак усталости.

Стараясь пройти как можно дальше, а если получится – догнать Тереху, пока солнце не село, оба всадника только и делали, что подгоняли лошадей. Но, увы, сумерки в лесу наступают быстрее, чем на открытом пространстве. Хотя солнце не село, а лишь коснулось горизонта, лес уже ошетинился теменью, мерзлыми колючими кустами и ветвями деревьев.

– Наверное, пора остановиться. До темноты надо дров заготовить. Как думаешь? Да и шалашик какой не помешал бы.

– Давай все-таки стрельнем несколько раз в воздух и потом дрова заготовим. Пусть Тереха хоть знает, что его ищут и идут следом.

– Не услышит он. Далеко мы от него, – сказал Сыромят, сойдя с лошади и трогая ногами следы Терехиной лошади. – Совсем мерзлые следы. Хотя на таком морозе за пару часов снег схватывается.

– Но я все равно стрельну. Вдруг что?

– Ладно, я пошел дрова готовить.

Звуки выстрелов в морозном воздухе прозвучали хлестко и громко. Думалось, что они будут слышны далеко. Так всегда кажется вблизи. Но если это в лесу, в низинке, да еще с покрытыми снегом деревьями, то звуки выстрелов гложут и слышны они бывают на совсем небольших расстояниях.

Весь этот вечер прошел в приготовлениях к ночлегу. Хотя вряд ли это можно было назвать ночлегом. На улице – под пятьдесят градусов. На таком морозе даже костер не горит, а тлеет.

Кое-как построив навес, рядом разожгли костер. Теплом от него обдавало немного, закручивая воздух под навесом, но уснуть было невозможно. Если оставаться без движения, холод очень быстро пробирался под одежду. Ноги от тепла костра не согревались. Нужно было постоянно вставать и топтаться, чтобы как-то согреться. Решили, что будут спать по полчаса, если получится, и каждый будет контролировать другого. Съели весь остаток еды и выпили оставшийся чай из полиэтиленовой бутылки, которую Данил хранил за пазухой. Когда Сыромят захотел ее выкинуть, Данил выхватил ее у него из рук:

– погоди, Сыромят. Говорят, в такой бутылке можно воду вскипятить.

– Как это? Расплавится же.

– Говорят, что бутылка полная воды должна быть, тогда можно вскипятить.

– А где ты воду возьмешь?

– Потихоньку будем оттаивать снег и заливать. Вода горячая все равно нужна. Как без нее-то?

– Надо было термос брать.

– Термос бы давно уже замерз, а бутылку я за пазухой хранил.

– Ладно, пробуй, а я пока попытаюсь поспать немного.

Кони были привязаны. Холорук время от времени поглядывал на хозяина и всхрапывал, видать, пытался что-то сказать, а конь Данила, понунив голову, стоял, уставившись под ноги. В эту ночь после изнурительного дня они остались голодными.

Ночь зимой длинная. А когда ты на морозе, в лесу, возле негреющего костра, она бесконечна. Подстелив под себя попоны, поворачиваясь к костру то спиной, то лицом, друзья пытались поспать по переменке. Покемарив несколько минут, просыпались от холода. Укутавшись с головой в шарфы и дыша за пазуху, чтобы не выпускать тепло наружу, Данил и Сыромят пытались хоть какое-то время усидеть на одном месте. Но все было бесполезно. Холод проникал сквозь одежду, в каждую щелочку, заставляя дрожать и сжиматься. Под утро Данил сообщил, что набрал полную бутылку воды, оттаивая снег в бутылке у себя за пазухой.

Поставленная прямо на костер бутылка на глазах начала скукоживаться и уменьшаться в размерах. Вода выливалась через край горлышка, но бутылка не плавилась. Оба заворуженно глядели на это и, переглядываясь, ожидали конечного результата. Прошло несколько минут, бутылка превратилась в маленький пузырек, но вода закипела.

Утро началось с проблеска зари на востоке. Всю ночь, промучившись возле костра, вконец устав и еле шевелясь, друзья обрадовались возможности двигаться. Сыромят, подбросив последние дрова, похлопывая себя по бокам, по спине, по ляжкам, стал ходить вокруг костра. Данил двинулся за ним следом, с трудом переставляя затекшие и усталые ноги. Эта пингвинья походка выглядела бы смешно, если бы все вместе не было так страшно.

Кое-как размявшись, друзья взяли лошадей под уздцы и вначале пошли пешком, чтобы размять и их. Лошадь Данила выглядела неважно, но вскоре расходилась. Когда седлали лошадей, для нее пришлось сделать на подпруге дополнительную дырку.

– Как же пережил эту ночь Тереха? Было очень холодно, а у него даже спичек нет. – Голос Сыромята оборвался на полуслове.

– Сыромят, догоним мы его сегодня и все вернемся домой. Тереха крепкий парень.

Ближе к обеду следы лошади Терехи направились вниз по распадку, сплошь заросшему лесом. Идя по его следам, порой приходилось продираться сквозь чащу и бурелом.

– Слушай, Данил, я не был на этом ручье. Но он должен впадать в нашу речку. Видишь, склоны ручья заворачивают влево, то есть, получается, в сторону избы. Не знаю, как теперь далеко наша речка, но мы можем этот крюк срезать и тогда, думаю, догоним Тереху.

– Как скажешь, Сыромят. Я эти места совсем не знаю. И тут путано как-то совсем. Не разобрался я в этой мешанине распадков и ручьев. И если он направился в сторону избы, то это хорошо же.

– Мы перехватим его, срезав крюк.

Перебравшись через широкий кряж, друзья вновь оказались на ручье. К тому времени день перевалил за полдень. Низкое солнце уже склонилось к закату, а следов Терехи не было видно. Лошадь Данила отставала все чаще и ждать ее приходилось все дольше. После очередного ожидания Сыромят, остановив Данила, заговорил:

– Кажется, еще одну ночь придется провести в лесу. Ты как?

– Я сам ничего. Только вот лошадь ослабла. Приходится иногда слезать и идти пешком.

Поэтому и отстаем.

– Данил, надо как-то покормить коней. Завтра ведь еще хуже будет. А если покормятся, хоть какая-никакая поддержка была бы. Тут неподалеку, кажется, марь. Вон сквозь деревья проглядывается. Давай там остановимся. С краю и сушняк будет.

– А как же Тереха? Мы же на его след еще не вышли.

– Как думаешь, это тот ручей, где были его следы?

– Может быть. Или приток, или тот ручей в этот впадает. Да говорю же – напутано тут до невозможности. – В голосе Данила послышались нотки нетерпения. – Вообще ты сейчас представляешь, где находимся?

– Мы находимся на притоке нашей речки, Данил. Не беспокойся, не заблудимся. – Голос Сыромята, даже заглушенный шарфом и куржаком, обросшим вокруг меховой оторочки шапки, звучал четко и уверенно.

Тем не менее на душе Сыромята все-таки скребли кошки – как далеко они находятся от избы, он уже не имел никакого представления. Знал только примерное направление, где находилась изба. Усталость и его стала брать. Ни крошки во рту, постоянно на холоде, даже попить нечего. Хоть Холорук держится. Но Сыромят старался не подавать виду, держаться твердо. Ведь он же взял на себя ответственность за всех приглашенных на угодь.

Как знал Сыромят, в этих краях места для пастбищ можно было найти только по долинам крупных ручьев и речек. Но бывали и мари, сплошь заросшие травой. Вот он и хотел найти такое место. Увиденный прогал оказался зарослями кустарников. Чертыхнувшись, вернулись в лес, поднялись на кряж и продолжили путь. Каждая неудача только усиливала ощущение усталости, чувство холода, да тут еще сумерки нагрянут скоро. Стараясь соблюсти примерную траекторию движения и все-таки где-то пересечься со следами друга, они тем не менее выглядывали возможные места для выпаса лошадей. Если останутся без коней, то и Тереху не найдут, и сами вряд ли выберутся.

Как и вчера, когда сумерки подкрались совсем близко, решили остановиться. Спешившись и привязав коня, Сыромят стал выискивать сухостой для костра и, когда начал ходить и топором выстукивать деревья, внезапно вспомнил, что совсем недавно услышал какой-то звук под копытами коня. Тогда он не обратил внимания на этот звук и только сейчас отчетливо понял, что это был звук удара копытом о пустую консервную банку. От неожиданности он встрепенулся и сразу вернулся к месту стоянки, где Данил пытался соорудить шалашик.

– Слушай, Данил, мне кажется, что тут совсем недалеко копыта моего коня задели пустую консервную банку под снегом. Мне надо вернуться и найти эту банку.

– О-о-о. Давай, давай, Сыромят, найди эту банку! Чайку попьем, брусничку заварим. – В голосе Данила даже послышалось умиление.

– А я тут худо-бедно шалаш организую да сушняк поищу. Спички у меня есть. У тебя фонарь есть?

– Есть. Я пошел. Пешком. Вернусь быстро. Недалеко совсем.

Примерно помню, где.

– А я стрельну. Сигнал дам Терехе.

– Давай стреляй. Он должен быть уже близко. Может, услышит.

И Терентий услышал их выстрелы. От неожиданности он резко натянул поводья. Вначале подумал, что ему послышалось, но затем он услышал звук второго, а потом и третьего выстрела. Пытаясь выпростать ухо из-под ушанки, чтобы точнее определить направление звука, Тереха крутился в седле, но замерзшие пальцы плохо слушались. Тогда он с силой рванул ушанку и порвал тесемки. Однако, сколько бы он ни вслушивался, больше выстрелов не было. Но ведь он слышал их – выстрелы! Это его друзья, и они совсем недалеко! Надо только найти их! Кажется, выстрелы были сзади. Они, наверное, идут по его следам. Они его ищут и вышли на его след! Тереха, на радостях совсем позабыв про свое ружье и про ответный выстрел, круто разворачивая коня, рванул поводья, отчего конь, всхрапнув и тряхнув головой, пошел как-то боком-боком, а затем, попав правой передней ногой в ямку, потерял равновесие и упал под уклон.

При падении конь придавил правую ногу Терентия. Замерзшую ногу, придавленную тяжелой тушей, пронзила резкая боль, а тут еще и шапка в сторону отлетела. Пытаясь выкарабкаться из-под коня, Тереха выпростал левую ногу из стремени, затем, упершись ею в седло, попытался вырвать правую ногу. Но валенок застрял в стремени, а стремя зацепилось за мерзлую попону или за ремень подпруги. Лошадь лежала и даже не делала попыток подняться, только время от времени скидывала голову и тихо всхрапывала. Прошло несколько минут

после падения, но Тереха, понимая всю опасность ситуации, в которую он попал, не оставлял попыток вырваться из-под коня. Конь, видать, уже загналса и сам не поднимется, но надо попытаться хотя бы сдвинуть его, иначе ногу не вырвать. А тут еще уши одно за другим стрельнули и до шапки не добраться. Но это мелочь, нужно вырваться! Палка, нужна палка, чтобы коня расшевелить! Пошарив рукой под снегом, Тереха зацепился левой рукой за палку. Коротенькую, но все же. Выпростав ее из-под снега, он стал наносить удары по крупу и по шее коня, однако реакции не было. От злости и обиды Тереха вскрикнул и нанес коню со всей силы удар по голове. Этот удар оказался чувствительным. Конь резко дернулся и, подбирая под себя ноги, попытался подняться. Терехе только это и надо было. Нога выскочила из стремени и из-под коня, он сам скатился под уклон, а конь тут же улегся обратно. Тереха подобрал шапку, отряхнул ее от снега и напялил на голову. Отмороженные уши ничего не почувствовали. Он потом только станет чувствовать боль, когда уши будут отходить от мороза. Но это ведь неважно – тут совсем рядом друзья и спасение. Он, прихрамывая, подковылял к лошади и, дергая ее за узду и одновременно колотя палкой, попытался ее поднять. Но все было бесполезно. Конь окончательно улегся и вытянул ноги. И только тут Тереха вспомнил про карабин, который был закреплен под крылом седла на попоне и теперь оказался придавленным.

Все дальнейшие попытки расшевелить коня ни к чему не привели. Сам Тереха, обессиленный, еле дергал за узду, больше ничего он не мог сделать. Остаток сил выбило это падение. Окончательно убедившись в бесполезности своих попыток, он вытащил нож, висевший на поясе, и обрезал подпругу. Но и это не помогло. Вытащить седло с попоной из-под лошади не хватало сил. Конь только раздувал ноздри и, тяжело вздыхая, порой закрывал глаза. Казалось, что он все понимает, но ничего с собой поделывать не может. Усевшись передохнуть под деревом рядом с лошадью, Тереха вспоминал весь предыдущий день.

Седлая коня, он сразу почувствовал, что с лошадью что-то не то. Не было прежней бодрости пусть и старой, но живой и подвижной животины. Поданный утренний овес был съеден неспешно. Видать, за дни охоты подустала лошадь. Наверное, одного дня отдыха было недостаточно. А эти два дня по холоду без пищи и отдыха довели лошадь до падения.

Вспомнил Тереха и разговор с друзьями про сны. Кривой палец деда теперь представлялся ему вещим. Но за эти три стылых дня на морозе он настолько устал, что в душе даже тревога не держалась. Мельком приходила и сразу улетучивалась. Все остальное пространство внутри Терентия занимали усталость и холод.

Представляя дальнейшие свои действия, Тереха никак не мог решиться начать движение, хотя понимал, что если он тут останется, то уже не выберется. Ему казалось, что рядом с лошадью, пусть даже полумертвой, была какая-то надежда. Он пытался отогнать эту навязчивую мысль и собраться силами. «Вот-вот встану и пойду. Еще чуть-чуть посижу, наберусь сил и пойду». Веки слипались, дыхание успокаивалось. Казалось, что становится тепло.

Внезапно ему вновь померещился или приснился в коротком и опасном сне дед и его палец. Тереха встрепенулся и, оглядевшись вокруг, увидел те же заиндевелые, покрытые снегом деревья, лежащего и пока еще дышащего коня и свое дыхание, пар от которого в морозном воздухе был уже совсем почти незаметен. Мотнув головой, разгоняя в голове туман, он вспомнил про выстрелы. Ведь друзья здесь неподалеку и они спасут его!

Собрав остаток сил, Терентий, держась за ствол дерева, с трудом поднялся. Тело не хотело его слушаться. Каждая мышца отказывалась подчиняться, онемевшее тело на любое движение отзывалось болью. Немного постояв и продышавшись, он двинулся по своим следам обратно. Вначале каждый шаг давался с трудом, кровь очень тяжело разгонялась по телу. Тепло никак не хотело приходить, а выстуженное тело не желало шевелиться. Усталость, обволакивавшая тело, отступала постепенно, совсем по чуть-чуть. Но все-таки вскоре Тереха почувствовал, что может идти, пусть медленно, с трудом, но может шагать.

Сыромят, идя по своим следам, вскоре услышал выстрелы. Небо было уже вечернее, начинали проглядывать первые звезды. Они находились на вершине кряжа, а ручей простирался внизу и, если Тереха идет по этому ручью, он должен услышать звуки. Так думал он, вороша ногами твердеющие на морозе следы. Сыромят остановился, ожидая ответных выстрелов. Но было тихо. Выждав некоторое время и получив еще толику тревоги и огорчения, которого за эти дни почерпнул как никогда много, он двинулся дальше. Отойдя почти на километр, в свете фонаря он увидел то, что искал. Заблестевшая банка в тот момент для него была пределом желаний и, как ему казалось, спасительницей.

Подняв банку, Сыромят ногами стал прощупывать снег. Как он и предполагал, под снегом нашлось несколько банок из-под тушенки. Выпростав их наверх, он выбрал три штуки – найдется ведь Тереха, тогда и ему банка пригодится. Обратный путь до стоянки был заметно легче.

Отсветы костра он увидел, уже приблизившись. Слабый огонек не желал разгораться. Данил успел соорудить подобие шалаша, как и вчера. Увидев в руках Сыромьята консервные банки, разводя руки в сторону, он громкой скороговоркой заговорил:

– Живем, живем, Сыромят! Сейчас костер расшевелим и чайку вскипятим! – потирая ладони, точнее, толстые рукавицы, довольный Данил, встав перед костром на колени, стал раздувать еле тлеющие огоньки. – Я тут совсем рядом нашел сухое толстое дерево и свалил. Будем это дерево ночью жечь. Всю ночь туда-сюда бегать не придется.

Сыромят, оставив возле костра банки, пошел к лошадям. Расседывая их, стал им вслух выговаривать:

– Холорук, держись. На тебя только наша надежда. Сам видишь, Тереху не можем найти и кушать вам нечего. А мы сами такие голодные, что готовы и вас забить. Но этого не сделаем. Без вашей помощи никому отсюда не выбраться. Ну а ты что-то совсем ослаб. Крепись, друг. Ты должен вывезти своего хозяина.

– Сыромят, ты с лошадьми разговариваешь?

– Молчи, Данил. Только на них наша надежда. Замучили мы их, пусть хоть человеческое слово услышат. Понимают они все. Держи попону.

Вновь, как и прошлой ночью, прижавшись спинами друг к другу, сидя возле костра, дождались, пока закипела вода с брусничником. Как она была вкусна – эта брусничная настойка, с каким благоговением сделали друзья первые глотки. Немытые, бог весть сколько пролежавшие посреди тайги, совершенно случайно, а может, и неслучайно попавшие под копыта коня заблудившихся людей, эти консервные банки, когда-то где-то изготовленные и привезенные кем-то неизвестным сюда, стали источником невероятного наслаждения для замерзших и голодных людей.

– Я буду пить всю ночь, тогда, может, еще и наемся, – с улыбкой на губах проговорил Данил.

– Только не переусердствуй. Писать ведь тоже проблема – пока доберешься до прорехи, а потом и дальше. В общем, и тут проблема может organizоваться, – дружески сыронизировал Сыромят.

– Помнишь, какое жаркое лето было? Туда хочю. Устал уже мерзнуть.

– А каково сейчас Терехе? Представляешь? Эх, найти бы его живым. Хотя надежды совсем не осталось. На выстрелы не ответил. Кругом тишина.

А Терентий в это время находился от своих друзей совсем даже недалеко. Возвращаясь по своим следам, он время от времени останавливался и пытался крикнуть и прислушаться. Но кругом была тишина. Ночь вступила в свои законные права, небо было усыпано крупными звездами, луна бледным серпом висела между крон деревьев. Следы виднелись совсем слабо, поэтому Тереха скорее ощущал их ногами, чем видел. От безысходности ему иногда хотелось

завыть или закричать, что он и попытался сделать. Но крики были совсем слабы и глохли в нескольких десятках шагов.

Привалившись в очередной раз к дереву, Тереха остановился и стал слушать. Благо оторванные тесемки шапки не мешали выпростать уши, правда, и не могли защитить от мороза. Отмороженных щек Тереха уже не чувствовал. Только притрагиваясь руками к щекам, ощущал твердость обмороженной кожи. Шуршание выдыхаемого воздуха на морозе мешало так, что он иногда задерживал дыхание. Вот дерево треснуло на морозе. Или это не дерево? Вот опять. Опять. Да это же стук топора!!! И совсем рядом, на этой горке!

– Сыромят! Друзья, я ту-у-ут!

Отчаянные крики, смешанные с всхлипами радостного возбуждения, не вырывались из груди Терентия, а выдыхались. Он думал, что кричит и бежит к друзьям. А он полз. На четвереньках. По склону. Стук топора становился все слышней и слышней. Потом пропал. Но это не остановило его. Не разбирая пути и не меняя направления, он вскарабкался наверх и увидел отблески костра. Пытаясь кричать, но вместо этого хрипя, будто рыча, он выполз на отсвет огня.

– Сыромят, ты слышишь? Рычит кто-то, сучки трещат. Уже совсем близко. Медведь!

Оба друга судорожно, даже не всматриваясь в источник звуков и опасности, потянулись к карабинам. Сыромят первым выхватил свой карабин и, на ходу сдернув предохранитель, приставив приклад к плечу, направил ствол своего СКС на то, что выползло на освещенное место. Еще бы доля секунды, и выстрел бы прозвучал непременно. Но тут он сквозь прорезь прицела увидел человека на четвереньках.

– Сто-о-ой! Стой, Данил! Это Тереха!

Откуда только взялись силы у уставших и голодных людей, откуда взялась такая прыть? Через пару секунд все втроем сидели в обнимку и все втроем, не слушая друг друга, что-то говорили и говорили. Тереха, пуская слезы и слюни, старался поцеловать каждого из друзей, что-то говорил, пытался объяснить, но его не слышали. Радостное возбуждение перехлестнуло все другое. Плачь, плачь, Тереха, такая удача в жизни бывает не у каждого. Только сильным и умелым дано познать это. Наша великая и могучая тайга не выдает то, что уже стало ее собственностью. Но изредка может и сжалиться.

Немного успокоившись, сидя возле костра и угощая Тереху брусничником, Сыромят успокоенно вымолвил:

– Ну вот, теперь все будет хорошо. И Тереха нашелся, и горячий чай пьем, дальше будет только удача.

Знал бы Сыромят, что еще им предстоит пережить, может, воздержался бы от этих слов. Но вечер был радостный – друг нашелся, живой и здоровый!

Эту ночь, как и предыдущие, друзья провели на ногах. Только разогреются немного горячим кипятком и хождением, подобно теньям, по кругу около костра, только, прижавшись друг к другу, усядутся на попоны, как мороз запускал свои холодные щупальца под одежду. От этого начиналась дрожь по всему телу и неизменно хотелось в теплую избушку, под теплое одеяло.

Вначале Тереха никак не мог отогреться. Он никак не мог почувствовать тепло огня и всем телом приник к костру, а руки запустил почти в пламя. Когда хлебнул горячей настойки, его стало трясти. Засевший за эти дни внутри него мороз с трудом покидал его измученное тело. Данил, не переставая, кипятил воду в банках и подавал ее Терехе, а он, в свою очередь, никак не мог напиться этим горячим эликсиром. По-другому назвать этот оттаянный в жестяной банке с острыми, режущими губы краями, снег в тот момент было никак нельзя. Постепенно он стал приходить в себя, затем его потянуло ко сну. Друзья, дав ему немного поспать, будили его и опять подавали брусничку. Нельзя спать в такой мороз – не проснешься.

Так и прошла еще одна бессонная ночь.

Новый день начался с тихого возгласа Сыромята:

– Светает, мужики. Надо ехать.

На востоке небосклон немного посветлел.

Новое утро началось со вчерашних проблем. Расшевелиться было трудно. Застывшее на морозе усталое тело не хотело двигаться, а Тереха вообще не смог самостоятельно подняться, хотя всю ночь поднимался и, пытаясь согреться, постоянно двигался. Подхватив его под руки с двух сторон, Сыромят с Данилом стали ходить вокруг костра. Постепенно тело задвигалось, дыхание стало глубже, хотя и обжигало морозным воздухом гортань. Вскоре он уже самостоятельно начал переставлять ноги и шевелиться.

Запрягая коней, Сыромят обратил внимание на состояние коня Данила. Он был совсем плох. Дрожь волнами проходила по его телу, и он никак не реагировал на человека, пока его седлали.

– Данил, сможешь пока пешком пройти? Что-то твой конь совсем ослабел. Может, постепенно оклемается.

– Да, вижу. Придется так и сделать. Ну, а вы вдвоем с Терехой?

– Нет, я пешком. Надо коня поберечь. Тереха, сможешь конем управлять? Я буду говорить тебе, куда рулить. А сам буду держаться за стремя.

– Попробую, – еле выговорил Тереха.

– Тереха, подбодрись немного, ты же вчера вечером на своих ногах притопал, а тут расклеиваешься почему-то. – Голос Сыромята был уговаривающим, просящим, а взгляд – жалостливым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.